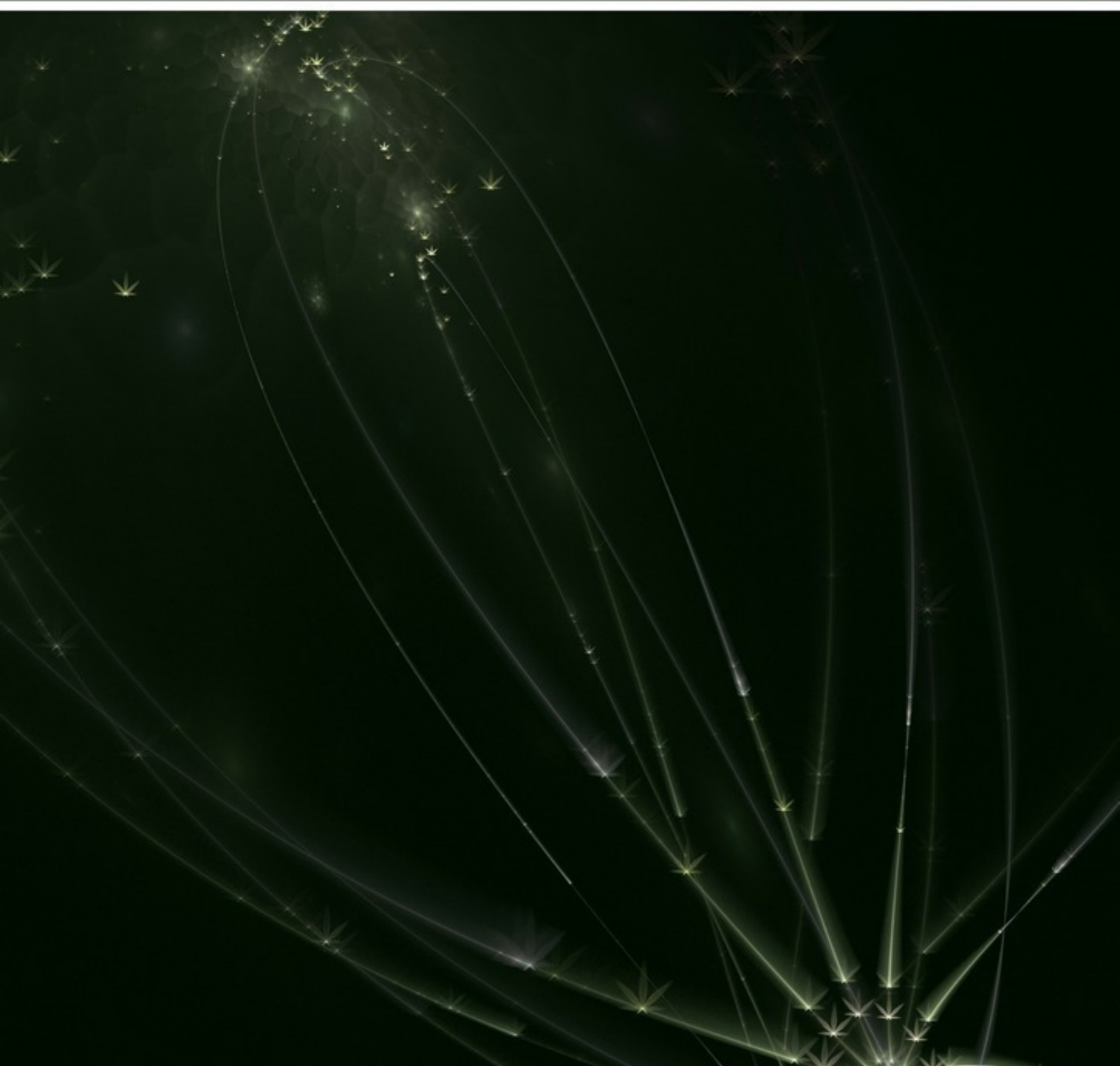

АЛЕКСАНДР ЛУЧАНИНОВ

Где они все?

Александр Лучанинов

**Где они все? Это НЕ
сборник рассказов**

«Издательские решения»

Лучанинов А.

Где они все? Это НЕ сборник рассказов / А. Лучанинов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857398-9

Обычный программист из силиконовой долины Феликс Ходж отправляется в отдаленный уголок Аляски навестить свою бабушку. Но его самолет терпит крушение. В отчаянной попытке выжить Феликс борется со снежной бурей и темной стороной себя, желающей только одного — конца страданий. Потеряв всякую надежду на спасение, герой находит загадочную хижину и ее странного обитателя. Что сулит эта встреча и к каким катастрофическим последствиям она может привести?

ISBN 978-5-44-857398-9

© Лучанинов А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Борода	6
Часть вторая. Фрэнк любит должников	23
Часть третья. За две секунды до полуночи	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Где они все?

Александр Лучанинов

© Александр Лучанинов, 2017

ISBN 978-5-4485-7398-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Борода

– Мистер Бриггс? – Феликс стоял в дверях и нервно потирал руки. Общение с людьми не входило в список его сильных сторон, и ситуация значительно усложнялась, когда ему приходилось говорить с незнакомцами.

Ральф оторвался от поедания огромного, как и он сам, сэндвича со свиной, поднял глаза и оценивающе посмотрел на парня.

– Смотря кто спрашивает. – голос его был подобен грому в тихую ночь и гулким эхом разнесся по полупустой столовой.

– Меня зовут Феликс Ходж, – промямлил паренек, – я с вами вчера по телефону договаривался.

Ральф напряг заостренные извилины, которые были явно не в настроении работать. Надвигающаяся непогода всегда вызывала у него еле заметную, но надоедливую головную боль.

– А, помню, помню. Еще не передумали?

– Нет, сэр, – уверенно кивнул Феликс.

– Это что еще такое? – возмутился здоровяк. – Какой я тебе сэр, я что, на англичанина похож?

– Н-нет, сэр, – замялся Ходж.

– Ну вот, опять, – Ральф подошел к парню. – Раз уж мы с тобой полетим в моей колымаге, то, считай, стали одной семьей, – он протянул руку, своими размерами больше напоминавшую медвежью лапу, – можешь звать меня просто Ральф.

– Феликс Ходж, – его рука буквально утонула в «медвежьей лапе», – можете называть меня как захотите. Позвольте поинтересоваться, а когда мы вылетаем?

– Ха-ха! С места в карьер? Мне нравится. Вот как покончу со своим законным перекусом, так и... – он не стал договаривать, а просто запихнул сэндвич себе в рот и принялся его тщательно пережевывать.

Погода в Анкоридже была на удивление спокойной для этого времени года. Снег изредка срывался с облаков, но взлетная полоса еще была чистой, и Феликс надеялся, что успеет подняться в воздух, пока все кругом не замело. Синоптики обещали сильный снегопад, и никто из местных частников, кроме здоровяка Ральфа, не рисковал летать в такое время.

– Когда-нибудь летал на таком? – спросил пилот, как только они подошли к самолету.

– Нет, сэ-э... мистер Бриггс.

Пилот рассмеялся и ударил Феликса по плечу. Удар был настолько сильным, что парень отшатнулся, но Ральф этого даже не заметил.

– Кидай свои манатки на задние сидения, тебя ждет незабываемое приключение! – рекламным голосом продекламировал он, залезая в кресло. – Это «Сессна-206», парень, единственный и самый лучший самолет, на котором мне доводилось летать.

– А вы уверены, что он надежный? – поинтересовался Феликс. Сомнения его были весьма оправданы. Возможно, пилот и был прав насчет удивительных характеристик данного летательного аппарата, но для постороннего зрителя он выглядел, мягко говоря, потрепанным.

– Уверен ли я? – Ральф что-то нажал на приборной панели, винт сделал пару оборотов, мотор чихнул и затих. – Твою ж мать! Секунду, – он вылез из кабины, открыл капот и по пояс ушел в образовавшуюся дыру. Спустя пару секунд мотор закричал, издал жалобный стон, но все же завелся.

– Уверен ли я? – продолжил Ральф, закрывая капот. – Парень, учитывая, что мы будем переть через горы, да еще и наперегонки с бурей, то я молюсь на эту малышку. Тебе, кстати, тоже не помешало бы. Ты вообще в бога веришь?

– Нет, сэр, я считаю это все старыми сказками, – ответил Феликс и тут же пожалел об этом.

– Сказками? – Бриггс сделал шаг вперед, и их лица оказались на расстоянии всего нескольких сантиметров. – Ты на Аляске, Ходж, здесь нет такого слова, как сказки. Люди в этих местах живут, в основном, изолированно, и, случись что, надежды на спасение с большой земли ждать не стоит. Приходится верить во все что угодно, лишь бы выжить помогло. Поэтому оставь свой городской гонор здесь и, будь добр, залезая в мой самолет, попроси Всевышнего о мягкой посадке.

Ральф снова хлопнул Феликса по плечу и запрыгнул в кресло пилота.

– Ну? Чего стоишь, как истукан? – Бриггс пытался перекричать разревевшийся не на шутку двигатель самолета. – Только сзади обходи, а то в винт затянет, потом самолет хрен отмоешь.

Феликс растеряно кивнул, он был под впечатлением от этой странной речи пилота. Просить человека, до смерти боящегося летать, помолиться перед взлетом – не самая лучшая идея. Каким бы хорошим пилотом ни был Ральф Бриггс, психолог из него явно неважный.

Двигатель начал набирать обороты. «Сессна» прокатилась по небольшой асфальтовой дорожке к взлетной полосе и остановилась.

– Ну что, ты готов?

– Нет, – лицо Ходжа было бледнее снежинок, изредка садившихся на лобовое стекло самолета.

Обветренные, покрытые коркой губы Ральфа растянулись в довольной улыбке, обнажая кривые и желтоватые зубы.

– Тогда держись крепче!

Двигатель «Сессны» взвыл, набирая обороты. Старенький одномоторный самолет несся по взлетной полосе, содрогаясь, вибрируя и скрипя от малейших неровностей бетона. Он был потрепан, но все равно рвался в небо. Он хотел летать.

– Все в порядке? – взволнованно поинтересовался Ходж, наблюдая неумолимое приближение конца взлетной полосы.

– Не ссы, пацан, – проревел Ральф и с усилием потянул штурвал на себя.

Самолет на мгновение оторвался от земли, затем на прощание еще раз чиркнул шинами о бетонное покрытие и взмыл ввысь.

Феликс нервничал, он то и дело потирал ладонями свои колени. Бриггс заметил странное поведение своего пассажира и, дернув его за рукав, указал на наушники. Ходж кивнул и, надев их, тут же услышал спокойный голос пилота.

– Ты не волнуйся, все идет хорошо. В нашем деле самое сложное – это взлететь. Ну и сесть после этого, конечно. А все, что между, – просто прогулка по парку. Видишь, – Ральф ткнул пальцем в приборную панель, – мы уже почти на нужной нам высоте. Дальше только прямо, ну, кроме гор, там придется попетлять немного, а так все отлично. Ветра практически нет, если выше не взлетать...

– А почему эта лампочка мигает? – прервал Феликс неудачную попытку успокаивающей беседы и указал на хаотично загорающийся красным диод.

– Эта, что ли? – Ральф аккуратно стукнул индикатор своим кулачищем, и тот тут же погас. – Засранец частенько меня дразнит. Да ты расслабься, просто проводка коротит, никак не соберусь починить.

Такие методы борьбы с боязнью полетов были явно не сертифицированы и, скорее, вели к ее усилению, чем наоборот. Во всяком случае, ладошки Феликса снова вспотели, а в голове то и дело проносились ужасные фотографии с мест авиакатастроф.

– Так это, ты к нам на отдых или как? – Бриггс кивнул на лежавшие на заднем сидении большую вещевую сумку и рюкзак. – А то сейчас не сезон, да и, по правде говоря, мало кто

ездит в Ик отдыхать. Я бы даже сказал никто. Или ты из этих, которые... как их там... которые насмотрятся по телеку передач всяких и ломятся в лес выживать в дикой природе?

– Идиоты? Нет, мистер Бриггс, я не из этих, – Ходж улыбнулся, но это была натянутая и нервная улыбка, – у меня бабушка живет в Ике. К ней и добираюсь.

– Да-а, – протянул Ральф, – забралась старушка, ничего не скажешь. Сам-то не здешний?

– Нет, сэ-э, мистер Бриггс, я из Калифорнии. Силиконовая долина, может слышали?

– Да что-то припоминаю, с компьютерами возишься?

– Ага, – Феликс кивнул.

– Ну и бог с ними, я в этом ни черта не понимаю, – Ральф небрежно махнул рукой, – так что там с бабушкой твоей? Приболела?

– Нет, что вы, надеюсь, что нет. Моя мама, то есть ее дочь, погибла в авиакатастрофе, и я лечу сообщить ей об этом. Не хотелось такое по телефону говорить, возраст, сами понимаете, да и проведать ее было бы неплохо.

Самолет слегка тряхнуло, и Феликс вжался в сидение с такой силой, что его лицо покраснело от прилившей к нему крови.

– Тише, парень, тише, это всего лишь ветер. Дальше будет веселей, когда горы перелетим. Я покажу тебе заповедник, там сверху все отлично видно, и озеро, и лес. Загляденье просто! Правда, сейчас там смотреть не на что. Не сезон. Но сверху все красивее, да?

Самолет еще раз тряхнуло, но Феликс отнесся к этому спокойнее, либо пилоту все-таки удалось немного сбавить напряжение, либо он уже просто привык к болтанке. Так или иначе, под размеренный гул мотора, прорывавшийся через наушники, и плавные покачивания, обеспеченные надвигающейся бурей, нервы Ходжа, потрепанные перелетами через всю страну, потребовали законного отдыха, и он сам не заметил, как уснул.

Ему снилось, что он плывет на маленькой лодочке посреди бескрайних морских просторов, вода была невероятно синей, такой синей, какой она может быть только во сне. Ходж наслаждался каждым мгновением этого странного, наполненного умиротворением и синевой плавания.

Но вот на горизонте появились тучи, они медленно затянули все небо и приобрели темный свинцовый оттенок. Грянул гром, волны становились больше, и лодка, словно дикая газель, заскакала с одного гребня на другой. Первые капли дождя упали Феликсу на лицо, он вытер их ладонью и обнаружил, что это вовсе не вода, а кровь. Все море из лазурно-синего моментально стало багровым. Волны были настолько большими, что лодка по сравнению с ними казалась блохой, медленно переползающей через небоскребы. Титанические багровые гребни один за другим нависали над крошечным человеком. Ветер волком выл в ушах и заглушал мысли. Наконец, самая большая волна вздыбилась, на секунду замерла в высшей точке и накрыла Ходжа с головой. Он проснулся.

– С добрым утром, спящая красавица, – Ральф хмыкнул, но в его глазах читалось беспокойство, – мы уже перевалили через хребет. Видишь, вон там снизу?

Феликс выглянул в окно. Горы остались немного позади, и теперь самолет летел над небольшим озером. Буря медленно подступала откуда-то справа.

– Это озеро Уайтфиш. Впечатляет?

– Впечатляет, – без особого запала ответил Ходж, его мысли еще были заняты странным сном.

– Я раньше частенько туристов здесь катал. Красивые места, – Ральф окинул взглядом водную гладь и тяжело вздохнул.

– А почему перестали? – спросил Феликс.

– Да как-то интерес подрастерял. Рутинная заела, понимаешь? Летай туда-сюда, тараторь одно и то же... В общем, надоело. Сейчас только таких, как ты, иногда вожу, так, кровь разо-

гнать. Да и, по правде говоря, мое корыто, – он хлопнул ладонью по штурвалу, – слишком уж прожорливое в плане денег. То замени, там подкрути, и пол зарплаты как корова языком.

Самолет тряхнуло, и на этот раз толчок был такой силы, что рюкзак Феликса, лежавший на заднем сидении, свалился на пол.

– Не паниковать, – Ральф улыбнулся, но это был вовсе не веселый и уверенный оскал, как раньше, – всего лишь единичный порыв, ничего страшного.

Ходж ему не поверил, он всем своим нутром ощущал неприятности, надвигавшиеся на них одной огромной багровой волной из сна. И оказался прав. Толчок повторился, а за ним еще один.

– Как-то слишком много единичных порывов, вам не кажется?

– Теперь кажется! – Ральфу не хотелось этого признавать, но парень был прав. Шатало их гораздо сильнее, чем должно было. Самолет мотался из стороны в сторону, как мотылек, пролетая над бурной рекой.

– Не судьба тебе сегодня к бабушке добраться. Буря догнала, не долетим.

Ральф вцепился в штурвал в попытках выровнять самолет, но удерживать курс с каждой минутой становилось все сложнее. Ветер трепал старую «Сессну», не зная жалости. Фюзеляж стонал и потрескивал.

Сердце Феликса билось с невероятной частотой, заглушая своим стуком матерщину пилота. Неужели судьба так неблагоприятна к нему? Прошла всего пара дней с похорон его матери, а он уже оказался в ее положении. У жизни явно извращенное чувство юмора.

Турбулентность подхватила самолет, подбросила его вверх, а затем отпустила. Ходж с трудом удержал содержимое своего желудка внутри. Как только «Сессна» закончила свой стремительный подъем и гравитация снова потянула вниз, рюкзак Феликса перелетел через спинку переднего сидения и огрел Ральфа по затылку.

– Черт его дер! – Бриггс схватил поклажу и со всей силы швырнул назад. – Вот это болтанка, я понимаю. Нет, до Ика никак, придется разворачиваться. Здесь недалеко к югу есть взлетка, в порте Алсворт. Надеюсь, дотянем.

– А что если не дотянем? – Феликс одной рукой уперся в потолок, а второй держался за сидение, но его все равно качало так сильно, что он то и дело бился головой об иллюминатор.

– Что-что? Будем садиться где попало, но если хочешь, можешь так, на ходу сигануть, – на этот раз Ральф и не думал смеяться. Он повернул штурвал, и самолет накренился влево. Развернувшись, «Сессна» взяла курс на юг, а сзади ее уверенно нагоняли свинцовые тучи.

– Порт Алсворт, прием! – Бриггс пялился на рацию в ожидании ответа, но его не было. – Порт Алсворт, это дельта пять два пять, как слышите? – По-прежнему тишина. – Да что ж они там все, повымерли, что ли? Нет, ну это хамство, а вдруг у нас что-то сломалось бы?

Вселенная будто услышала его слова, и на приборной панели снова загорелась красная лампочка. Бриггс привычно ударил по ней кулаком, но на этот раз красный огонек не погас.

– А вот это уже совсем хреново, – только и успел сказать пилот, как двигатель издал странный, похожий на липкий старческий кашель, звук.

– Мы что, падаем? – спросил Ходж, но Ральф не ответил, он сосредоточенно щелкал переключатели. – Я не хочу умирать, мистер Бриггс, только не так. Это нечестно.

– Да тихо ты! Не падаем мы, а просто планируем.

– Но ведь без двигателя мы долго не сможем, да?

Несмотря на то, что в последнее время Феликс много читал про самолеты, от пилотирования ими он по-прежнему был далек и не понимал многих связанных с этим вещей.

– Это зависит... – начал было объяснять Ральф, но двигатель снова чихнул, пропеллер сделал пару оборотов и остановился. – ...Теперь недолго. Попробую найти поляну для посадки, ты тоже смотри. Если увидишь – кричи.

Феликс кивнул и, не моргая, уставился в иллюминатор. Снизу раскинулся плотный хвойный лес. Густая зеленая щетина деревьев неумолимо приближалась, заставляя сердце биться чаще.

– А что, если не будет полянки? – спросил Ходж, не прекращая поиски.

– Тогда просто кричи!

Теоретически небольшие шансы выжить при таком падении были, но, зная свое везение, Феликс на это не рассчитывал. Он сидел, смотрел на приближающуюся землю и молился. Молился неумело, неловко, как мог. Это была его первая попытка поговорить с богом.

Бриггс в свою очередь проклинал себя за то, что не заботился как следует о своей «Сессне», что бросил туристический бизнес, ведь, по правде говоря, ему очень нравилось летать туда-сюда и тараторить одно и то же, но в первую очередь он проклинал тот телефонный звонок.

«Алло, это Ральф Бриггс? Я хотел бы купить ваши навыки пилота».

Если бы не этот компьютерщик Ходж, он бы сейчас спокойно сидел у себя дома, допивал очередную банку светлого и смотрел ток-шоу по ящику.

Самолет уже потерял добрую часть высоты и продолжал снижаться. По мере того как скорость «Сессны» уменьшалась, болтанка в кабине становилась все сильнее и сильнее. Феликс уже мог различить отдельные ветки на верхушках деревьев. Спасительной поляны видно не было.

Бриггс пытался продлить драгоценные секунды полета, он толкал штурвал вперед, а затем, когда под действием силы тяжести самолет набирал скорость, снова тянул его на себя, сохраняя тем самым жизненно важную высоту. Вверх-вниз, вверх-вниз, но исход оставался один.

Первая ветка царапнула днище самолета, шелест прокатился по кабине, и Феликс с ужасом вжался в свое кресло.

– Я не хочу умирать, – повторял он полусшепотом, – я не хочу умирать, я не хочу умирать.

Еще несколько веток прошли по фюзеляжу, оставляя слегка заметные царапины на краске. Трение окончательно съело оставшуюся скорость, и самолет, больше не в силах планировать, нырнул в зеленое море.

Бесчисленные хвойные «руки» заколотили по лобовому стеклу, пытаясь прорваться внутрь. «Сессна-206», 1985-го года выпуска, словно белый метеор пробивалась сквозь заросли национального парка Лэйк Кларк. Ее триумфальное падение было недолгим, по крайней мере, так показалось Феликсу. Когда самолет зацепился крылом за ствол ели, старые заклепки, измученные многочисленными полетами, не выдержали, и фюзеляж разорвало. Толчок был такой силы, что потерявшего от перегрузки сознание Феликса вместе с сидением, к которому он был пристегнут, выкинуло наружу. Наступила тьма.

Циклон, о котором еще вчера утром предупреждали синоптики, окончательно накрыл юг Аляски. Плотные тучи не давали слабым солнечным лучам дотянуться до земли. Температура падала. Мелкие снежинки срывались с неба и, подхваченные завывающим ветром, устремлялись вниз.

Феликс пришел в сознание от невыносимой боли в правой руке. Он застонал и, открыв глаза, обнаружил себя до сих пор сидящим в кресле. «Неужели жив?» – подумал он и осмотрелся по сторонам.

Судя по всему, зацепившийся крылом за дерево самолет резко развернуло, и Феликс по инерции, подобно пуле, вылетел из кабины. Ветки замедлили падение, и, в конечном итоге, ремень безопасности зацепился за одну из них. Ходж не знал, сколько он так провисел, но из-

за того, что висел он вверх тормашками, казалось, будто вся кровь в его организме прилила к голове.

Правая рука ныла и горела огнем. Феликс напряг живот, согнулся и увидел, что она зажата между деревом и металлическим каркасом кресла.

– Твою мать, – процедил он сквозь зубы и снова повис вниз головой.

«Ситуация хуже некуда, – подумал он, – если я не выберусь из этого дьявольского кресла, то либо получу кровоизлияние в мозг, либо сдохну от обморожения».

Он перебирал возможные варианты спасения. Ни один из них ему не нравился, но делать было нечего, инстинкт самосохранения диктовал свои правила.

Ходж решил, что в первую очередь нужно высвободить руку, иначе дела не будут. Он стиснул зубы и уперся в ствол дерева, затем, задержав дыхание, со всей силы оттолкнул кресло. Поврежденная конечность выскользнула из своего капкана и безжизненно повисла у головы. Приступ боли, последовавший незамедлительно, пронзил мозг, как копье, ударил в самое ценное – сознание. Феликс не выдержал и опять отключился.

Когда он снова пришел в себя, уже начинало темнеть, и отдельные снежинки, срывавшиеся с неба, превратились в настоящий снегопад.

Боль в правой руке сменилась новым ощущением. Миллионы иголок кололи кожу, будто он всю ночь спал на бедной конечности, и от этого она совсем занемела.

«Неестественный изгиб, – подумал Феликс, аккуратно рассматривая руку, – скорее всего, перелом. Пальцы посинели, интересно, почему? Хотя, не важно, это все равно плохо. Ладно, некогда сопلي жевать, нужно как можно быстрее слезть с этой дурацкой елки и найти остатки самолета. Может быть, Ральфу тоже удалось выжить?»

Работающей рукой Феликс потянулся к ремням, все это время удерживавшим его в таком странном и неудобном положении. Удивительно, но механизм крепления совсем не пострадал, замок щелкнул и легко раскрылся. Падая, Ходж зацепился ногой за толстую ветку на высоте полутора метров над землей, сделал в воздухе полный оборот, и грохнулся в сугроб. К счастью, свежее выпавший снег смягчил падение.

Феликс неуверенно встал на ноги и вытер лицо.

– Фух, – выдохнул он с облегчением, – вроде жив.

Проверив себя на наличие новых переломов, он убедился, что все в порядке.

– Теперь нужно найти самолет или то, что от него осталось.

Ходж осмотрелся. Понять нужное направление было не трудно, след из обломанных веток и кусков «Сессны» был более чем заметен. Борясь с головокружением (кровь, давившая на мозг, снова ушла в ноги), Феликс побрел вперед.

Место падения не вызывало сомнений, в такой каше из металла и стекла не мог выжить никто, но нужно было убедиться наверняка, а заодно и забрать свои вещи. Феликса интересовал его мобильник, который он выключил и отложил подальше в рюкзак перед взлетом. После того как мать погибла в авиакатастрофе, он решил, что будет каждый раз выключать все электронные устройства на время полета. Так, на всякий случай. Не помогло.

Доковыляв до обломков «Сессны», Феликс заглянул в то, что когда-то было кабиной, – увиденное его не обрадовало. Некогда человек-гора, Ральф Бриггс все так же сидел в кресле пилота. Его смуглая кожа уже успела посинеть, а руки мертвой хваткой сжимали штурвал. Но самое страшное произошло с черепом: его попросту не было. Из жизнерадостного здоровяка Ральф превратился во всадника без головы, оседлавшего свою старую «Сессну» на пути в ад.

– Ах ты ж... – Ходж в ужасе отшатнулся, споткнулся о собственный рюкзак, который уже порядком замело, и сел в снег. – Черт тебя дерь, мистер Бриггс. Даже после смерти ты продолжаешь меня пугать. С другой стороны, ты это заслужил. Теперь будешь знать, что случается с людьми, которые не хотят ухаживать за своими самолетами.

Очистив от снега рюкзак (задача оказалась не из легких для однорукого), Феликс открыл его, порылся в содержимом и извлек на свет спасительный мобильник.

– Хуже быть уже не может, да, Феликс? А как тебе такое? – пятидюймовый экран корейского флага был покрыт плотной паутиной трещин.

Ходж нажал на кнопку включения и подождал пару секунд; ничего не произошло. По-видимому, в телефоне сломался не только экран.

– И что теперь? – начал он думать вслух, сидя в снегу. – Где искать помощь? Ральф говорил, что мы летели над каким-то заповедником. Может, лесник увидел, как мы падаем, и вызвал спасателей? Сомневаюсь. Если бы здесь неподалеку была хижина, то я бы заметил дым над лесом. Не может ведь он жить без печки? Нет, сидеть и ждать спасения, которое может и не явиться, – верная смерть, нужно двигаться. А что насчет порта? Как его там... Алсворт? Ральф сказал, что это недалеко отсюда, на юге вроде бы. Вспоминай, Феликс, вспоминай! Точно на юге. Это уже лучше, может быть, смогу туда дойти на своих двоих. Осталось только понять где здесь юг. Черт побери, говорила тебе мать в скауты идти, зачем не послушался? Сейчас, как заправский выживальщик, наложил бы себе шину, нашел, где юг, и быстренько выбрался из всего этого дерьма. Ладно, нет времени себя жалеть, нужно действовать.

Ходж засунул мобильник обратно в рюкзак, встал, накинул его на плечо и подошел к остаткам самолета.

На приборной панели должен был быть компас, и он там был. Стиснув зубы, Ходж пролез между телом Ральфа и лобовым стеклом, отстегнул ремни, которыми пилот был пристегнут, и стянул труп на снег. Тело уже успело окоченеть и, упав, осталось лежать, держа отломившийся при падении штурвал.

Сев на место пилота, Феликс пробежался взглядом по приборам. Найдя спасительный компас, он обнаружил, что, к великому сожалению, тот был привинчен болтами к панели. Отвертку искать в этом беспорядке смысла не было, даже если таковая и имелась.

Не придумав ничего умнее, Ходж со всей силы саданул в стекло, защищавшее компас от пыли и грязи, ногой, оно треснуло и высыпалось на пол. Лучше от этого не стало. Прибор по-прежнему крепко держался на своем месте.

– Ладно, будь по-твоему. Можешь оставаться здесь и зарастать мхом, а я направляюсь в порт Алсворт.

Хоть Феликсу и не удалось извлечь компас из крепления, но у него получилось определить примерное направление своего дальнейшего движения. Надежда на то, что он пешком в такую погоду дойдет до цели, была маленькой, но шансы выжить в авиакатастрофе еще меньше, а значит, удача была на его стороне. Оставалось только не упустить ее.

Он согнул сломанную руку в локте и закрепил ее в таком положении лямкой рюкзака, затем поправил капюшон куртки, тяжело вздохнул и двинулся в путь.

Дорога предстояла долгая, ведь он не знал, что даже если бы ему удалось сохранять направление без вспомогательных приборов (а в лесу это практически невозможно), то примерно через двадцать километров ходьбы по пересеченной местности он бы уперся в озеро Кларк, на берегу которого и находится порт Алсворт. На противоположном его берегу.

Ходж шагал через заснеженный лес Аляски, согнувшись вперед, под постоянным натиском разбушевавшейся погоды. Ледяной ветер острыми как бритва снежинками хлестал по лицу. Солнце, свет которого блокировался тучами, скрылось за горизонтом, погрузив лес в темноту. Шаги давались с трудом, толстый слой снега явно был против человеческого присутствия и всячески мешал идти.

Несмотря на то, что температура продолжала падать, вся спина Феликса была покрыта крупными каплями пота. Рука снова разболелась, но теперь боль расплзлась от кончиков пальцев до самого плеча.

– Просто иди, – бурчал он себе под нос, вяло шагая по темному лесу, – иди и не останавливайся. Движение – жизнь. Остановка – смерть. Помнишь, как ты смотрел по Discovery те передачи? Они же смогли выжить, чем ты хуже? Просто нужно дойти во-о-н до того дерева. Вот так, шаг, еще один. Видишь? Не так уж и сложно. Теперь до следующего.

Вдруг деревья, за которые так сильно цеплялось сознание Феликса, исказились. Ели устроили какой-то дикий ритуальный танец и неудержимым хороводом закружились вокруг. Очередной приступ боли в руке был просто невыносим, и Ходж, закатив глаза, упал в снег. Вьюга тут же принялась заметать его тяжело дышавшее тело.

– Мистер Моусли, можно? – спросил Феликс, стоя на пороге директорского кабинета.

Помещение было небольшим, стены из нештукатуренного красного кирпича с развешанными на них фотографиями семьи и различного рода мотиваторами, пара светильников и стол со стульями по обе его стороны. От остального офиса кабинет отделяла большая перегородка из толстого стекла.

– А? Да, конечно, заходи. И перестань все время меня мистером называть, – Питер Моусли сидел за своим столом и что-то набирал на клавиатуре, – у нас же стартап, а не какая-нибудь многомиллионная корпорация. К чему весь этот официоз?

– Извините, – Ходж подошел к директорскому столу, – просто старая привычка, от которой сложно избавиться. Я ко всем, кто старше меня или по возрасту, или по должности, так обращаюсь. Мне мать всегда в детстве говорила: «Вежливость города берет», вот и прилипло.

– Точно, мать, – лицо Моусли мгновенно приобрело серьезный оттенок, – я слышал, она летела на том самолете.

– Да, сэр, – Феликс растерянно сел. На секунду в кабинете воцарилось неловкое молчание.

– Соболезную твоему горю, – директор захлопнул ноутбук, – могу я чем-нибудь помочь?

– Да, сэр, – повторил Ходж, – я бы хотел взять отпуск на неделю, проведать бабушку. Она еще не знает и...

– Во-первых, – перебил его Моусли, – считай, что с этой минуты ты в оплачиваемом недельном отпуске, и, во-вторых, перестань сэркать. Я всего на два года тебя старше, зови меня Питер, хорошо?

– Хорошо, – Феликс поднялся, поправил пиджак, единственный в этой компании, и, выходя из кабинета, остановился в дверях, – спасибо, Питер.

– Да не за что, счастливо тебе отдохнуть.

Ходж открыл глаза и обнаружил, что за ночь превратился в натуральный сугроб. От теплого дыхания внутренний слой снега подтаял и образовал своеобразный кокон, сохранявший тепло.

Сквозь белые стенки «спальни» просвечивало солнце. Все тело затекло, болели даже те мышцы, о существовании которых Феликс и не подозревал. Рука разболелась хуже вчерашнего, и появилось странное ощущение пульсации. Шевелиться не было ни сил, ни желания.

«Надо!» – подумал Ходж, собрал всю свою волю в кулак, приподнялся, встал на колени и выбрался из сугроба.

Буря закончилась. Всего за одну ночь лес из зеленого превратился в белый. Феликс вдохнул свежий морозный воздух и закашлялся. Его не покидало ощущение, будто вчера он изрядно напился, и теперь у него похмелье. Голова будто набита ватой, желудок крутит, а во рту явно кто-то ночью нагадил.

Стряхнув с лица и одежды снег, он, пошатываясь, встал на ноги и огляделся вокруг. Его следы, естественно, замело, и он не имел ни малейшего понятия, откуда пришел и куда нужно идти дальше.

– Хреново, – сказал он вслух, надеясь, что звук собственного голоса поможет прийти в чувство, – и что теперь?

– Надо было все-таки вытащить компас, идиот, – тут же ответил он сам себе, передразнивая басовитый голос Бриггса.

– И как, по-твоему, я должен был это сделать?

– Руками.

– Вот иди и сам его вытаскивай, раз такой умный, – рюкзак, висевший все это время у Феликса на спине, завибрировал.

– У меня башки нет, как я тебе его вытащу? Сам-то вон, даже ходить можешь, вот и постарался бы.

– Да привинчен он, ПРИ-ВИН-ЧЕН. Не мог я его руками достать!

– А ты особо-то и не пытался...

Тем временем вибрация стала настолько раздражающей, что Феликс скинул рюкзак на землю и начал рыться в нем в поисках ее источника. Им оказался мобильный телефон. Феликс нервно нажал на кнопку ответа.

– Ало! Кто это?

– Феликс? – голос был женским и до боли ему знакомым, но статика заглушала его, не давая возможности понять, чей он.

– Вас плохо слышно, алло, – как будто подчиняясь просьбе, помехи немного стихли.

– Феликс, сынок...

– Мама? – он не мог поверить своим ушам.

– Сынок, привет! Я просто хотела позвонить и узнать, как у тебя дела. Так давно с тобой не виделись.

– Мам? Это правда ты? – голос Ходжа предательски задрожал.

– Ну конечно, я, кто же еще? Такое скажешь иногда, – она рассмеялась, – как ты там? Не болеешь?

– Я... эм... – он взглянул на свою руку, пальцы на которой уже начали чернеть. – Нет, мам, все хорошо, не волнуйся. А ты как?

– Да что со мной станется? Так, временами спина побаливает, но ты же знаешь, возраст уже не тот.

– Да какой у тебя возраст, мам? Тебя же всегда с моей сестрой путают.

– Ой, прекрати, я никогда не любила подлиз, ты же знаешь. Как твоя работа, по-прежнему единственный ходишь в костюме?

– Хожу... – ему было сложно сконцентрироваться и подбирать слова.

– Это хорошо. Уверена, рано или поздно все твои сотрудники тоже станут их носить, но ты этого не увидишь, если не начнешь идти.

– Что?

– У тебя встреча, Феликс, или ты забыл? Тебе пора. Тебе нужно идти, иначе ты опоздаешь. Пунктуальность – вежливость королей, а вежливость города берет. Помнишь?

– Конечно, помню, мам. А куда идти? – спросил он, но телефон молчал. – Алло? Мам? Мама?

Ходж взглянул на мобильник, который по-прежнему был покрыт густой сетью трещин. Слезы заволокли глаза, а губы скривились в немом стоне. На мгновение он поверил этой галлюцинации. На один микроскопический миг он решил, что его мать действительно жива, что не было никакой авиакатастрофы, кто-то просто очень сильно ошибся.

Простояв, бездумно пялясь в телефон, несколько минут, Ходж стал замерзать и немного пришел в себя. Во избежание повторения таких неприятных инцидентов он хорошенько размахнулся и закинул все равно бесполезный мобильник подальше в лес. Затем, скомкав немного снега, вытер лицо и понял, что уже не чувствует щек, да и кончик носа ощущался как-то странно. Скорее всего, начиналось обморожение.

«Нужно идти, – подумал Ходж, – но куда? Мама сказала, что у меня какая-то встреча, а где и с кем – непонятно. Это всего лишь игра моего воображения, здесь на мили вокруг никого нет. Тем не менее, идти надо. Не буду же я просто сидеть и умирать? Или буду? Да нет, это как-то глупо».

Накинув рюкзак на плечо, Феликс снова зафиксировал сломанную руку в свободной лямке.

– По ощущениям, сейчас первая половина дня, – начал думать он вслух, – допустим. Значит, если я хочу идти на юг, то... солнце должно быть слева от меня.

Ходж поднял голову и, сощурившись, посмотрел наверх. Солнце было ярким, но совсем не грело. Он развернулся так, чтобы оно оказалось над левым плечом, наметил приблизительное направление движения и неуверенно пошел вперед.

Первые шаги давались с трудом, задубевшие мышцы нехотя подчинялись воле, но чем больше он двигался, тем больше согревался, и дорога постепенно становилась легче.

Стараясь держать ритм и не терять направления, Феликс двигался к своей цели. Его не покидали мысли о том, что сказала ему мать. Он прекрасно понимал, что это не могла быть она, что телефон сломан и даже не включается, а человек, чей голос он слышал в трубке, давно лежит в могиле, но сознание зацепилось за спасительную соломинку и не давало думать ни о чем другом. Он прокручивал телефонный разговор в своем сознании снова и снова, надеясь, что найдет зацепку. Где же его ждут, и кто?

Лес постепенно редел, и Феликсу показалось, что он слышит запах воды. Мало кто знает, но для человека, испытывающего сильную жажду, вода имеет особый запах – запах жизни.

– Не верю, – прошептал он вслух, – у меня жар, и это просто очередная иллюзия. Нужно идти дальше.

Но чем дальше он заходил, тем отчетливее был этот запах.

– Тихо, Феликс, спокойно, – он старался говорить полупшепотом, концентрируясь на собственном голосе, – твой мозг уже подвел тебя раз, значит, может и повторить. Держи себя в руках и оставайся спокойным.

Он взял немного левее и через пару шагов где-то на грани слышимого различил что-то отдаленно напоминавшее журчание ручья. Стараясь не быть импульсивным и не упиваться ложными надеждами, он пошел по направлению этого звука.

Журчание становилось все громче и отчетливее. Уже через минуту у Ходжа отпали все сомнения, звук был настоящим, и его издавала текущая вода. Забыв про всю усталость и боль, он вприпрыжку побежал навстречу спасению.

Это был ручей. Вид текущей воды заставил Феликса осознать, что он не пил уже больше суток, и жажда, все это время скрывавшаяся где-то в дальнем уголке сознания, вышла на свет и предстала во всей своей красе.

Он упал на колени и принялся зачерпывать здоровой рукой ледяную воду. Большая часть вытекала сквозь пальцы, но то, что попадало в рот, обжигаящими волнами пробегало по горлу. Каждый глоток понемногу рассеивал туман, обволакивавший голову Ходжа.

Напившись и хорошенько умывшись, Феликс встал с колен и взглядом проследил за ручьем. Вода маленькой змейкой извивалась вокруг камней и впадала в озеро. Да, именно в озеро. Настроение на миг взлетело до небес, но тут же рухнуло на прежний уровень отчаяния.

Водоем был слишком мал. Феликс, даже не подходя, мог сказать, что никакого порта Алсворт на его берегу не было и быть не могло.

Разочарование было настолько велико, что замерзший, совершенно разбитый и потративший все силы на эту отчаянную попытку выжить, Ходж готов был сдаться прямо здесь и сейчас. Он готов был лечь на снег, закрыть глаза и, вслушиваясь в успокаивающее журчание ручейка, умереть. Но его останавливала одна, внезапно возникшая при виде воды, мысль, а вернее, любопытный факт, прочитанный когда-то на бескрайних просторах интернета.

Большая часть населения земли живет на берегах водоемов.

Конечно, раньше это знание пригождалось сугубо для разбавления разговора где-нибудь в баре или на вечеринке, но сейчас оно могло спасти жизнь. Какова вероятность того, что посреди бескрайних лесов Аляски, на берегу безымянного озера будут жить люди? Он собиравшись это выяснить. Оставалось только немного пройтись и поорать.

Феликс шагал вдоль ручья в направлении озера и думал о том, что будет делать, если никого не найдет. Сил у него совсем не осталось, и добраться до порта Алсворт ему вряд ли удастся, даже если он будет знать наверняка, куда именно нужно идти. Рука не давала покоя, а эпизод с мобильным заставлял усомниться в собственной адекватности. Что может быть хуже?

– Ральфу хорошо, – говорил он сам с собой. – Раз – и готово. Ну, может, немного испугался перед смертью. А я? Что мне прикажешь делать? Так и бродить по лесам, пока голод или мороз окончательно меня не доконают? Может, попробовать построить убежище? Ну, допустим, построю, хотя и не знаю, как. Откуда программисту такое знать? А дальше-то что? У меня даже спичек нет. Вот надо было тогда в школе взять сигарету, предлагали ведь. Сейчас бы как король возле костра сидел, ну или в больнице с раком легких. Всяко лучше, чем здесь.

Нет, нужно посмотреть правде в лицо, если на этом чертовом озере никто не живет, то мне придется несладко. Не знаю, что прикончит меня раньше, жажда, холод или рука, – он посмотрел на пальцы, они выглядели очень скверно. – Ну уж нет, не собираюсь я ждать такой смерти, лучше уж самому, быстро... как пластырь сорвать.

Дойдя до берега, Феликс остановился и обвел взглядом окружавший его лес. Пристани видно не было, да и домов тоже. Взяв за точку отсчета ручеек, он начал терпеливо обходить озеро по кругу. Идти оказалось легче, слой снега у берега намело не такой толстый, как в лесу, и не надо было постоянно плутать между деревьями.

Пройдя половину пути и не найдя никаких признаков человеческого присутствия, он остановился и уставился в воду: она была спокойной, без единой волны. Ветер здесь не дул, а до ручья было далеко, и его журчание не нарушало воцарившуюся тишину. До этого момента Ходж не замечал, что идет по краю огромного зеркала, в котором отражается голубое небо.

Молчаливая красота дикой природы во всем ее великолепии. Молчаливая и смертоносная.

«Пора признать очевидное, Феликс, – подумал он, разглядывая свое отражение в воде, – ты единственный человек здесь. На многие мили вокруг – никого, кто бы мог тебе помочь. У тебя нет еды, а холодная вода все сделает только хуже. Сколько ты сможешь протянуть в таких условиях? Неделю? Вряд ли. Твои пальцы уже почернели, и заражение крови убьет тебя раньше, чем голод, это точно. Ты действительно хочешь умирать в мучениях, пока инфекция уничтожает твоё тело?»

Тебе пора решиться. Это всего лишь пластырь, который нужно сорвать, и дело с концом».

Тяжело вздохнув, он сделал первый шаг. Его левая нога проломила тонкий слой льда и по щиколотку погрузилась в холодную воду. Мурашки пробежали по спине, и сердце затрепетало в груди.

Второй шаг. Дно оказалось довольно крутым, и он погрузился по колено. Зубы начали выбивать барабанную дробь, аккомпанемент смерти Феликса Ходжа.

Третий шаг – и вода подступила к ребрам, ледяным кольцом сковав легкие. Вдох застрял где-то на полпути между грудью и ртом.

Замерев на мгновение, Феликс отдышался и сделал четвертый шаг. Вода подступила к горлу и намочила подбородок. Все тело теперь было под водой, но чувство холода ушло. Страх постепенно заменило спокойствие, а за ним пришло и смирение. Сердце замедлило свой бег, и он был готов сделать последний шаг.

– Дым, черт тебя дерит! – Феликс, весь промокший до нитки, бежал, спотыкаясь и кашляя. – Настоящий дым!

Перед тем как погрузиться с головой, он решил в последний раз взглянуть на мир, с которым собирался расстаться, приоткрыл глаза и увидел, как недалеко к югу тонкая струйка дыма поднималась над деревьями.

Пулей вылетев на берег, он побежал к своему спасению. Вода ручейками стекала с одежды, а внизу на куртке начали замерзать маленькие сосульки. Несмотря на невыносимую боль в руке и полное отсутствие сил, Феликс бежал, бежал, будто сам дьявол гнался за ним по пятам.

Домик был маленьким, но ухоженным. Стены из бревен, покатая крыша и каменная печная труба, из которой клубился дым. Рядом с домом стоял небольшой навес, под ним лежала гора нарубленных дров. Сложно было на глаз определить возраст жилища, но непередаваемую ауру древности невозможно не заметить.

Обессилев и с трудом дыша, Ходж доковылял до дверей и постучал. Ответа не последовало. Тогда он постучал еще раз, и как можно громче, но снова ничего.

«Похоже, никого нет дома, – подумал Феликс, – и что мне теперь делать? Может, подождать хозяина снаружи? А вдруг никто не придет сегодня? Я же в ледышку превращусь. Хотя нет, не могут же люди уйти надолго, при этом растопив печку?»

Он ударил по двери еще пару раз, да с такой силой, что на ребре ладони начал расплываться синяк. Никто ему не открыл. Из дома не доносилось ни единого звука.

Промокший до нитки Феликс почувствовал, как мороз начал пробираться сквозь одежду. По всему телу пробежала неприятная дрожь. Необходимо было срочно переходить к решительным действиям.

Сделав шаг назад, он поднял ногу и, вложив весь свой вес в удар, приложился в то место, где, по идее, должен был находиться замок. Засов, державший двери закрытыми, не выдержав, треснул пополам, и они распахнулись, впуская в дом уличный мороз.

В помещении было темно, приглушенный свет проникал внутрь сквозь маленькие грязные окошки и по пути терял добрую половину своей силы. Феликс неуверенно перешагнул порог и закрыл за собой дверь.

– Есть кто дома? – почему-то шепотом спросил он. – Мне помощь нужна.

Глаза постепенно привыкали к полумраку, и из темноты то там, то тут всплывали новые детали интерьера. Комната была небольшой, что-то среднее между кухней и кладовой. Убранство скромно и минималистично. Стены увешаны пучками каких-то засушенных растений и корешков. Возле окна стоит небольшой стол и табурет. По центру – древняя печь из камней и глины, делящая дом пополам.

Феликс подошел к пышущей жаром печи. Тепло, от которого он уже успел отвыкнуть, нежно ласкало его лицо. Скинув рюкзак на пол, он попытался снять заледеневшую куртку, это оказалось немного сложнее, чем он ожидал. Сломанная рука распухла и застряла в рукаве. Он аккуратно высвободил здоровую конечность и что есть силы дернул за пуховик. Правый рукав вывернулся наизнанку, но все же слетел. Комнату заполнил неприятный сладковатый запах.

Судя по очертаниям, проступавшим через свитер, конечность стала, по меньшей мере, в два раза больше обычного.

– Ого, – удивился Ходж, разглядывая руку, изгиб перелома уже перестал быть заметен из-за отека, – похоже на большую проблему.

Повесив пуховик на край печки, он снял свитер (таким же болезненным способом), и перед ним предстала неприятная картина. Вся рука ниже локтя гнила, и довольно интенсивно. Рука стала похожа на плохо завязанный воздушный шарик, который за ночь слегка сдулся и покрылся небольшими морщинками. Серая, с синеватыми отливами, кожа покрылась крупными волдырями с гноем. Все это явно свидетельствовало о том, что из-за нарушения кровообращения при переломе у Феликса началась гангрена. Без экстренной медицинской помощи он мог не дожить и до завтрашнего утра, но, к своему счастью, он об этом не знал.

Теперь, когда большая часть промокшей одежды сохла у печи, можно было спокойно исследовать остальную часть дома.

Второе помещение было примерно такого же размера, что и кухня, только немного уютнее. Кресло-качалка, односпальная кровать и два больших шкафа, забитых книгами. Судя по всему, хозяин любит читать, и это совершенно понятно. Чем еще можно развлечь себя в такой глуши?

Но было в этой комнате и кое-что еще, очень странное. В дальнем углу, между кроватью и шкафом, лежала куча сена высотой примерно с метр. Феликс сначала удивился своей находке, но потом подумал, что как человек, всю жизнь проживший в мегаполисе, он может не знать каких-то тонкостей обитания вдали от цивилизации. Может быть, у каждого отшельника, живущего в подобной хижине в глухом лесу, есть такая куча сена возле кровати. Но подойдя поближе, понял: то, что он в полумраке принял за сено, вовсе им не являлось. Это были волосы. Между шкафом и кроватью лежала целая гора человеческих волос.

По спине Ходжа пробежал неприятный холодок. «Спокойно, Феликс, – подумал он, – это просто волосы. Что тут такого? Все нормальные люди держат у себя в спальне кучу волос. Подумаешь! Главное сейчас – это получить медицинскую помощь, а уж личная жизнь спасателей меня никак касаться не должна. С другой стороны, если спасатель вовсе и не спасает? Что если это домик маньяка-убийцы? Что если мне повезло выжить в авиакатастрофе только ради того, чтобы попасть в руки к чокнутому коллекционеру волос с черепов своих жертв?»

Он сделал осторожный шаг вперед, затем еще один. Подойдя поближе к странной куче, Ходж наклонился, чтобы получше ее разглядеть. Солнце медленно закатывалось за горизонт, и в хижине стало еще темнее. Прищурившись, будто это помогает видеть в темноте, Феликс заметил какой-то странный блеск в глубине. Встав на одно колено, он пододвинулся еще ближе, пытаясь понять, что же там блестит, и с ужасом осознал, что это глаза. Влажные, живые человеческие глаза смотрели прямо на него.

От неожиданности Феликс вскрикнул и, отшатнувшись, упал. Тем временем куча медленно приподнялась над полом, и под ней показались худые костлявые ноги. Куча шагнула к Феликсу, и его сердце екнуло, он попытался отползти назад, но единственная рука не слушалась его. Тем временем куча волос шагнула еще ближе. Страх сковал сознание Ходжа, он хотел кричать, кричать что есть силы, но сил у него совсем не осталось.

Подойдя совсем близко, ноги согнулись, и глаза, блестящие в глубине волосяных переплетений, пристально уставились на него.

– И... извините меня, – промямлил Феликс, дрожа от страха, – мне была нужна помощь, и я...

– Уходи! – вдруг сказала куча. – Здесь тебе не помогут.

Ходж боролся с поглощавшим его страхом, но дикость происходящего рубила все попытки на корню.

– Но... я не могу уйти. Я болен, – практически теряя сознание, он протянул вперед раздувшуюся руку, – видите? Если я уйду, то точно умру!

На секунду копна волос замерла и, казалось, о чем-то думала.

– Что тебе нужно? – наконец спросила она с ноткой раздражения в голосе и, отступив, села на кровать.

Холодный пот градом хлынул по спине Феликса. Адреналин играл в его крови и заставлял все тело дрожать.

– Для начала пообещайте, что не будете меня есть.

Куча пристально посмотрела на Ходжа, а затем рассмеялась. Смех показался ему каким-то гортанным и старческим. Так обычно звучат голосовые связки, повывавшие на своем жизненном пути немало морозных вечеров.

– Тебя? – переспросила она, а затем засмеялась еще громче. – Да не приведи господь! – Откуда-то из-под волосяной копны показалась худощавая морщинистая рука и вытерла с глаз выступившую от смеха слезу. – Даже если бы я умирал с голоду. Ты себя нюхал? Ты когда куртку снял – весь дом стал для жизни непригодным. Хотя, конечно, некоторые любят мясо с душиком... Читал как-то, что чукчи жрут тухлых оленей или вроде того.

Феликс лежал на полу и не мог понять, бредит он или нет? Все происходящее уж больно смахивало на очередную галлюцинацию. «Может, я и не в доме вовсе? Лежу сейчас в сугробе и бормочу себе под нос, а зараза, жрущая мою руку, постепенно доедает и мозги?»

– Есть хочешь? – перебила ход его мысли куча.

Он неуверенно кивнул.

Куча ловко прыгнула с кровати и, громко топая босыми ногами, направилась на кухню. Феликс расслабился и прильнул лицом к полу. Холодные доски освежали мысли и немного разгоняли туман, который с каждым часом становился все гуще и гуще.

Пока из кухни доносились какой-то грохот и еле слышное бурчание, он потратил последние силы, чтобы перебраться на кровать. Матрас был жестковат и пах то ли сеном, то ли залежавшейся травой. Но по сравнению с теми местами, где ему доводилось спать после катастрофы, очень даже ничего.

Куча заглянула в комнату и бросила ему скомканную старую тряпку, внешне сильно напоминавшую половую.

– На, подложи, а то всю кровать мне изгадишь.

Ходж послушно постелил под руку тряпку и откинулся на подушку, которая, по-видимому, тоже была набита сеном.

Сон ушел так же неожиданно, как и пришел. Феликс открыл глаза и увидел сидящую рядом с кроватью кучу.

– На, – она протянула ему тарелку с хорошо прожаренным куском мяса и какой-то неизвестной зелены, – ешь! А то помрешь еще... Мне мертвяков здесь не надо. Земля холодная, не копаются, а если так оставлю – звери набегут.

– Спасибо, – еле слышно ответил Феликс и привстал на кровати.

Мясо было самым вкусным, что он пробовал в своей жизни. Скорее всего, из-за того, что он не ел уже двое суток, и даже выброшенный на помойку протухший мясной пирог в данной ситуации показался бы ему деликатесом.

– Так откуда ты такой больной свалился на мою голову? – спросила куча, неотрывно следя, как он уплетает ужин.

– Самолет упал, – сказал Феликс и чуть не подавился.

– Тише, тише, сначала прожуй.

– Самолет, на котором я летел, разбился в лесу, а я выжил. Вот брожу теперь по округе, ищу спасения.

– Самолет, значит? – куча встала и подошла к шкафу с книгами. – Интересно...

– А вы? – неуверенно спросил Ходж. – Вы человек?

– Не знаю, тебе видней.

– В том-то и дело, что нет. Вас под волосами не видно, и это, по правде говоря, пугает.

– В точку, – откуда-то из-под волос показалась рука и пальцем указала в потолок, – человек всегда боится того, чего не понимает. Именно поэтому я и живу здесь, в лесу. Нет людей – нет проблем.

– Почему-то всегда думал наоборот, – Ходж проглотил очередной кусок мяса, практически не прожевывая, – мои проблемы начались как раз из-за того, что людей в округе нет. Разбились бы мы где-нибудь возле большого города, и все было бы хорошо... – в его памяти всплыло безголовое тело Бриггса, вцепившееся мертвой хваткой в штурвал. – По крайней мере, для меня. Вертолет со спасателями забрал бы меня в госпиталь, врачи бы вправили мне руку, и через недельку я бы уже был дома. Видите, люди – это не так уж и плохо, как вам кажется.

– И то верно, – кивнула куча, – но не в моем случае.

– А что у вас за случай такой?

– Не хочу об этом говорить, – отмахнулась куча, – лучше доедай быстрее, мне еще тарелку надо помыть, а с теплой водой здесь туго.

– Да бросьте вы, – Феликс отложил недоеденный ужин в сторону. Любопытство – не очень полезная черта, но в такой ситуации хуже не будет, я же вижу, что вы любите читать. Столько книг на полках – признак того, что вы скучаете по людям. Вы читаете их истории, чтобы снова почувствовать себя частью того мира, частью общества.

– Нету никакого МОЕГО общества. Оно давным-давно исчезло. А книги я читаю, чтобы не сойти с ума в этой дыре. Все эта треклятая борода...

– Что? – удивился Ходж.

– Борода. Может, и у тебя вырастет, когда подрастешь. Все, что ты видишь, – это не мое тело. Я внутри, а все эти волосы – это моя борода. Другие у меня не растут.

– Борода? – Феликс от удивления открыл рот.

– Она самая, чтоб она была проклята. Знал бы ты, как она мешает. Все время приходится наматывать ее на себя, иначе просто невозможно ходить. А как она чешется! Бывает, по полдня сижу и чешу. Стоит начать, как уже невозможно остановиться. С другой стороны, есть и плюсы. Если не забывать ее мыть, то она довольно теплая, а здесь с теплом небольшие проблемки, знаешь ли.

– Не понимаю... борода? Почему вы ее просто не сбреете, если мешает?

– А вот тут и начинаются настоящие проблемы, – куча замолчала, она сомневалась, стоит ли договаривать. Одиночество давило на нее с большой силой и просто требовало выговориться хоть перед кем-нибудь, но на ней лежала огромная ответственность, тайна, которую нужно было хранить, несмотря ни на что. С другой стороны, парень явно не жилец, и этот факт был решающим в ее внутреннем споре.

– Обещай мне, что никому не скажешь про меня и этот дом, – наконец прошептала куча, – обещай, что после того, как тебя найдут, ко мне никто не заявится с вопросами.

– Я не...

– Обещай мне!

– Хорошо, хорошо! Обещаю, что никому не раскрою вашу тайну. Сойдет?

– Да, – куча подошла к кровати и, сев на стоявший рядом табурет, заговорщицки прошептала, – если я сбрею свою бороду – все люди на земле умрут.

– Что? – переспросил Феликс. – Как умрут?

– На месте, – ответила куча, – такое правило, сбриваю бороду – все умирают. Вот так просто. Именно поэтому я и сижу здесь, на выселках. Чтобы чего не случилось.

– Вы меня разыгрываете сейчас или что? – Ходж просто не мог поверить в такую странную историю. Он никогда не верил в сказки и даже после всего пережитого не собирался.

– Нет, я серьезен, как никогда. Если дело касается бороды, то, уверяю тебя, никаких шуток быть не может. Как можно шутить с жизнями миллионов людей?

– Миллиардов, – поправил его Феликс. – И все же, с чего вы взяли, что если сбреете бороду, то все умрут?

– Вот тут загвоздочка небольшая, – смущенно ответила куча, – я не помню.

– Не помните?!

– Это было так давно, – начала оправдываться она, – я в этом лесу уже не первый десяток лет, да и, скорее всего, не второй. Думаешь, так легко все упомнить? Воспоминания со временем вытекают из головы, как песок из ладошки. В один прекрасный момент ты встаешь утром с кровати и не помнишь, где ты, какой сейчас год и... Кстати, какой сейчас год?

– Тогда с чего вы решили, что эта история с бородой – правда? Может быть, просто память сыграла с вами злую шутку?

– Нет! Готов поклясться своей головой, что все так, как я говорю. А теперь перестань меня доставать и ешь!

– Послушайте, ну я готов еще был поверить в то, что вы вели недостойную хорошего человека жизнь и, осознав это, ушли в лес. Или что вас разыскивают бандиты, полиция, и вы просто отсиживаетесь здесь. Но такое, – Феликс покачал головой, – вы уж извините...

– Так! – перебила его куча. – Ты сюда пришел историю моей жизни критиковать? Вот сиди и ешь молча, пока дают. Ишь, знаток выискался.

Феликс торопливо закинул последний кусок мяса себе в рот и вернул тарелку владельцу. Куча нервно вырвала ее из рук и, что-то бурча себе под нос, побрела на кухню.

Ощущение сытости, по которому Ходж уже успел соскучиться, немного расслабило его дрожавшее от жара тело и медленно затащило в сон.

Ему снова снились бескрайнее лазурное море и маленькая лодочка, которую терзали волны. Но на этот раз сон оборвался до того, как с неба полился дождь из крови. Шатаясь на волнах, Феликс почувствовал, что его укачивает. Он не знал, есть ли у него морская болезнь, потому как на лодке раньше ни разу не плавал, но почему-то был уверен, что это именно она.

За окном было темно, ночь выдалась безлунной, а налетевшие тучи закрыли собой звезды. Ходж выбежал из дома в одних трусах и, облокотившись о стену, согнулся. Его рвало на снег. Практически не переварившиеся куски мяса падали в сугроб у двери и исчезали в нем без следа. Все тело ломило, а ноги подкашивались. По правде говоря, он не имел ни малейшего понятия, как ему хватило сил встать с кровати, а уж бежать и подавно. Когда очередной приступ рвоты закончился, он почувствовал, что чертовски замерз, и пора возвращаться в дом.

Куча сидела на табуретке возле кровати. Место для сна в хижине оказалось одно, а полы были довольно холодными, поэтому ей пришлось спать сидя.

Феликс посмотрел на эту храпящую гору волос и подумал: «Все с тобой в порядке, и борода у тебя обыкновенная, как у всех. Ты просто старый и больной человек.

Знавал я одного парня, так он думал, что если утром не пересчитает все плитки на полу в коридоре, по пути в офис, то заболит и умрет, ну или что-то плохое случится. Как же его звали? Брайан, по-моему, хотя не важно».

Феликс, шатаясь, направился на кухню и отыскал там нож, которым куча резала мясо. Он был старым и сточенным почти до рукоятки, но лезвие оказалось острым, как бритва.

Вернувшись в спальню, он остановился возле спящей кучи. Его мысли еле ворочались в сдавливаемой жаром голове. Он знал, что умирает, и единственное, чего ему сейчас хотелось, – это отблагодарить человека, который не отказал ему в помощи в трудную минуту.

Ведь именно в этом и заключается общечеловеческая вежливость. А вежливость, как известно, города берет.

– Так вот, – прошептал Феликс, аккуратно наматывая бороду на гниющую руку, – Брайан был болен, и ты тоже. Так же, как и он, ты одержим своей навязчивой и глупой идеей. Маленькая ложь самому себе настолько плотно засела в твоей голове, что стала для тебя неоспоримой реальностью. И в благодарность я избавлю тебя от нее.

Он начал резать.

Из-за возни куча проснулась и стала вырываться. Она упиралась руками в лицо Феликса в отчаянной попытке оттолкнуть его от себя, но Ходж был преисполнен решимости и собирался закончить начатое.

– Остановись! – закричала куча. – Ты не ведаешь, что творишь!

Он не слушал, его сердце уже перестало биться, и последнее, на что хватало затухающего сознания, – это продолжать резать. Простая предсмертная судорога.

Когда лезвие ножа рассекло последние волоски, Феликс, более ничем не поддерживаемый, рухнул на пол и больше не шевелился.

Газовая гангрена – быстрый убийца. Она за каких-то пару дней превратила всю правую руку Ходжа во влажную грязную массу. Бактерии, пиравшие его плотью, отравили кровь, а начавшееся обморожение не дало иммунитету ни единого шанса на равную борьбу.

Умирая, он думал, что спас старого отшельника от навязчивой идеи, от несуществующего проклятья бороды, которая должна убить человечество. Но в сущности же сам оказался жертвой подобной идеи. Не видя полной картины, он верил в абсолютность своей правоты и тем самым обрек всех людей Земли на неминуемую гибель.

Часть вторая. Фрэнк любит должников

«Ричард Финчер», он всегда писал вместо подписи свою фамилию и имя. Как-то не придумалось красивой завитушки. Расписавшись в журнале дежурств, он официально начал свою смену, впереди были двенадцать трудных часов, наполненных различными травмами и увечьями. Скорая помощь Нью-Йорка не самый лучший выбор, если вы ищите спокойной работы. Большой город богат на выдумки, иногда Ричу казалось, что природа специально толкает людей на всякие безумные и травмоопасные поступки, чтобы доказать ему верность теории Дарвина – «Мы все просто лысые обезьяны, глупые и лысые обезьяны».

Дороти захлопнула журнал и исподлобья посмотрела на Финчера.

– Еще раз узнаю, что ты спишь на дежурстве – пожалуюсь начальству, – Рич только фыркнул в ответ. – И не вздумай мне тут фыркать, Финчер! Думаешь, я не знаю, чем ты там занимаешься? Да я тебя насквозь вижу, твоя ленивая задница у меня вот где, – она сжала кулак, который был едва ли не больше его головы, просунула в маленькое окошко и потрясла перед его носом.

Рич чмокнул ее в побелевшую костяшку указательного пальца и, не слушая последовавшую тираду, юркнул в коридор. Она каждый день находила повод поорать на него, этот вечер не был исключением. С другой стороны, колкости Дороти уже стали своеобразным ритуалом, без которого дежурство превращалось в сущий кошмар. Один раз, когда Дороти заболела (ничего серьезного, обычный грипп) его на смену выпускала какая-то новенькая и совпадение это или нет, но три трупа за дежурство. Обычное дело для скорой скажете вы, но нет, только не в смену Ричарда Финчера. У него был какой-то особый дар или что-то вроде того, в каком бы тяжелом состоянии люди не попадали в карету Рича, они практически всегда дотягивали до больницы (редкие исключения только подтверждают правило). Скорее всего, он просто не хотел брать на себя ответственность за их смерть. Все прекрасно понимали, что фельдшер скорой не всемогущ, и иногда люди просто умирают. Но передавая пациента в руки врача, Ричи передавал вместе с ним тяжкую ношу моральных мук и ночных кошмаров. «Чувак в белом халате взялся за каталку – я больше не при делах» – вот такая простая философия.

В коридоре Рич встретил своего водителя.

– Здорова, Боб, как твоё?

– Сойдет... – Боб Муди стоял, опершись плечом о стену и жевал жвачку, – Че там с Фрэнком?

– Ничего. Сам же знаешь, смогу отдать только через две недели. А что, пилит?

– Не то слово. Ты бы с ним поосторожнее. Не хочу тебя пугать, но этот Фрэнк, он не любит шутить.

«Восьмая машина на выезд» – раздалось из настенного динамика, парни двинулись к выходу.

– Можешь еще немного его попридержать? – продолжил Ричард, натягивая жилетку, – я на мели.

Они залезли в автомобиль, мотор зарычал, и в полумраке гаража лицо Боба осветилось проблесковым маячком.

– Не знаю, Финч, не знаю...

Завыла сирена и автомобиль выехал в город. Ночные улицы таили в себе бесчисленное множество опасностей и когда одна из них настигает тебя ты звонишь в скорую. Ребята вроде Ричи и Бобби приезжают на сверкающей синими огнями машине, выбегают к тебе с полными уверенности лицами, в чистой униформе и с сумкой, в которой можно найти все нужное для спасения твоей, висящей на волоске, жизни. Не такого ангела хранителя ты ожидаешь увидеть, но реальность не любит приукрашивать.

Финчер смотрел, как в окне проносятся фонари, смена только началась, а он уже летит на помощь незнакомцу, хотя самому она бы тоже не помешала. Идиотские карты, и кому только пришло в голову играть на деньги?

– Бобби, слушай, – Финчер нервно постукивал ногтем по замку бардачка, – а что если я отыграюсь?

Боб с удивлением взглянул на напарника и цокнул языком.

– По-твоему ты мало задолжал?

– Нет, послушай, я вот что подумал, в прошлый раз мне просто не везло, так? Сейчас-то совсем другое дело, вот я чувствую, – Ричи глубоко и шумно втянул ноздрями воздух, – это запах удачи, он в воздухе. Слышишь?

– Нет, – Муди притормозил и заехал в переулок. – Зато я слышу трупный запах, и он исходит от тебя. Запомни мои слова, Фрэнк не любит долги, зато просто обожает должников. А знаешь почему?

Ричард отрицательно мотнул головой.

– Их обычно никто не ищет. Сечешь?

Переулок только своим видом уже вызывал желание уйти, в таких местах обычно происходят самые ужасные преступления. Единственным хоть как-то освещенным местом оказалась телефонная будка, из которой, по всей видимости, и был сделан звонок. Машина скорой остановилась в десятке метров от светлого пятка – осторожность прежде всего. В таких местах полно парней, жаждущих поживиться медицинскими наркотиками, а в скорой их хватает. Двери открылись и Ричи, с красной сумкой наперевес вылез из машины.

– Приехал добрый дядя врач, – он нарочно выкрикивал слова, чтобы потенциальный пациент знал о его прибытии. – Есть кто живой?

Тишина, только старая лампа в разрисованной подростками будке тихо потрескивала. Он медленно и аккуратно пошел вперед, оглядываясь по сторонам. В такие моменты нужно быть готовым ко всему, все житейские проблемы и сложности уходят на второй план. Фрэнк, карты, долги, все становится словно тихим эхом старого давно забытого прошлого, а вперед выходит подозрительная телефонная будка в грязном переулке.

– Скорую вызывали? – в ответ снова тишина. – Ну как знаете. У меня много вкусных лекарств, но если вам не надо, то мы поехали.

Ответа не последовало, и Финчер собрался уходить, как вдруг одна из куч мусора шевельнулась. Он достал фонарик, и белый луч света выхватил из темноты лежащего на асфальте человека. Он был одет в коричневый плащ (что уже довольно странно, ведь на улице тепло) и сливался с горой картонных коробок. Не удивительно, что Финчер не заметил его сразу. Он подошел к человеку, присел и толкнул его в плечо.

– Друг, ты живой? – тот застонал в ответ. – Может ты пьяный? Если ты просто пьяный, я очень огорчусь, мой водитель не любит запах алкоголя и будет меня всю дорогу пилить, оно тебе надо?

Финчер перевернул человека на спину, полы плаща распахнулись. Рубашка была вся измазана чем-то липким и зеленым. Рич посмотрел на позеленевшую перчатку на своей руке и понюхал ее. Станный запах, такой знакомый, но...

– Помогите, – еле слышно прошептал незнакомец.

– Что случилось, друг? Тебе плохо?

Человек закатил глаза и потерял сознание.

– Эй, поговори со мной, не спи!

Финчер пробежался глазами по странному наряду незнакомца и заметил необычные складки на рубашке. Он аккуратно потянул ткань, она расправилась и...

– Боб! Боб, мать твою, хватит жевать, тащи носилки, у нас огнестрельное.

Через секунду Муди уже стоял рядом.

– Ты за ноги! – выкрикнул Рич и подхватил человека за плечи. – Черт, тяжелый. Сколько же в тебе свинца?

Незнакомец был без сознания и не оценил юмора. Парни приподняли пострадавшего, но не смогли положить на носилки, будто что-то тянуло его вниз.

– Что за... – Бобби в недоумении отпустил ноги парня. – Он, что гвоздями к полу прибит?

– Нет, смотри, – Финчер указал пальцем на руку человека, от запястья тянулась, незаметная в темноте переулка, цепь к куче картона. Муди отбросил ногой большую часть старой промокшей бумаги, под ней скрывался металлический кейс, именно к нему и был прикован человек. Рич схватился за ручку и попытался поднять поклажу, но она весила не меньше взрослого крепкого мужчины.

– Ни хрена себе, Бобби, подсоби, – вдвоем они смогли лишь слегка приподнять кейс.

– Вот так чемоданчик... – выдохнул Муди. – Что будем делать?

– Не уверен, – ответил Рич. – Для начала нужно попытаться стабилизировать мужика. Не хотелось бы вечер с трупа начинать.

Финчер поначалу хотел стать патологоанатомом. Видели бы вы лица его родителей, когда он им сообщил, что поступает в медицинский, столько радости. Потом они конечно узнали, что их драгоценный сынок хочет трупы кромсать с утра до ночи и радостные улыбки как ветром сдуло. Они сразу принялись уговаривать его отступить и стать каким-нибудь дантистом или пластическим хирургом. Их можно понять, сын на престижной работе с шикарной зарплатой – повод для гордости, а вот мрачный трупорез – это совсем другое дело. Что подумают родственники, соседи? Такие вопросы Ричарда не очень волновали, ему хотелось стать патологоанатомом, вот так просто, без особых причин и доводов, даже для самого себя. Тогда ему казалось, что эта работа – его предназначение, судьба, если хотите. Жизнь посчитала иначе, на первом же учебном вскрытии его сначала стошнило, а потом и вовсе вырубил. Когда он пришел в себя весь гонор испарился, а мысль о такой работенке стала вызывать отвращение. Медицину он не забросил, но посчитал, что лучше быть подальше от всей этой больничной возни и работать в поле.

Добро пожаловать в скорую помощь Нью-Йорка. Здесь вы получите уникальную возможность посмотреть на огнестрельные ранения вблизи, пощупать бомжа и подраться с пьяницей, а иногда и все одновременно! Ну не прелесть?

Рич схватился за рубашку незнакомца и со всей силы дернул в разные стороны, пуговицы с треском разлетелись по асфальту.

– Входное отверстие в груди, – начал Финчер, – в районе диафрагмы, кожа серая, рана загрязнена чем-то... чем-то зеленым. Что мы в таком случае делаем?

– Ну, раз он серый, значит сердце, но пуля-то попала совсем не туда? – ответил Муди.

Что-то не так и Ричард судорожно пытался понять, что. Он перебирал в своей голове все прочитанные им учебники по оказанию первой помощи в поисках особых случаев, но не мог вспомнить ничего похожего.

– Ладно, будем импровизировать, – он достал из красной сумки фонендоскоп. – А теперь дядя доктор тебя послушает.

Финчер приложил прибор к груди незнакомца и прислушался, тот еле дышал, каждый вдох сопровождался мерзким бульканьем. Картинки из учебника сразу поплыли перед глазами. Диафрагма напрягается, растягивая легкие и впуская в организм воздух для большого вдоха, а затем сокращается и человек пытается вскрикнуть, но пуля проходит через кожу, хрящ и пробивает дорогу нашей драгоценной атмосфере туда, где ей не место. При каждом последующем вдохе воздушная прослойка между диафрагмой и легкими увеличивается, сковывая грудную клетку невыносимой болью.

– Бобби, золотце, у него в груди воздух, что мы делаем, когда у него в груди воздух?

– Отсасываем! – лицо Муди озарила ехидная улыбка.

– Мы с тобой по жизни отсасываем... – буркнул Ричи в ответ и достал из своей красной сумки бинт с большим шприцом. Вся грудь пострадавшего была уже целиком измазана в этой зеленой неприятной жиже. Финчер краем порванной рубашки вытер то место, где пуля вошла в тело, и с удивлением обнаружил, что эта зеленая субстанция сочится из раны. Вот откуда ему был знаком этот металлический запах, это запах крови.

– Боб, скажи мне, какого цвета его рана?

– Зеленого, – присмотревшись, ответил напарник.

– Ну, слава богу, я уж подумал, что мне мерещится. Теперь следующий вопрос: какого хрена она зеленая?

Ответить на него было некому. Часы тикали, и каждый вдох становился слабее предыдущего. Ричард разорвал пачку с бинтами, приложил кусок полиэтиленовой обертки к отверстию и наложил повязку, она моментально позеленела. Обильное «зеленотечение» конечно не очень хорошо, но сейчас необходимо было сосредоточиться на воздухе, как ни парадоксально, мешавшем дышать.

Финчер взял в руку большой шприц, перчатка измазалась в «крови», и он постоянно норовил выскользнуть. Прицелившись, он как следует размахнулся и всадил иглу по самое основание в грудную клетку незнакомца, затем выдернул клапан, и воздушная подушка, образовавшаяся над плеврой с неприятным свистом, вышла через шприц.

– С этим разобрались, теперь сердце.

Финчер обхватил пальцами шею незнакомца – ничего. Тогда он решил послушать напрямую, приложив ухо к груди – все та же тишина.

– Ничего не понимаю, Бобби, проверь пульс.

– Отсутствует, – констатировал напарник, щупая запястье незнакомца. – Тащить дефибрилятор?

– Тащи, и по пути подумай, почему он еще дышит?

Финчер несколько раз получал предложения от начальства о повышении, при условии, что он все-таки доучится до врача. Очень уж большим шишкам в просторных кабинетах нравилось, что его карета предпочитает довозить людей до больницы живыми, а в некоторых случаях это было действительно подвигом, но Ричи каждый раз одобрительно кивал, поддакивал и обещал заняться своим образованием, а сам шел дальше работать фельдшером скорой. Это он сейчас выглядел героем в простенькой синей жилетке, а в больнице что? Он бы тут же стал обычным холеным засранцем в беленьком накрахмаленном халате и с престижной зарплатой. Нет! Рича манила работа в поле, в ней был свой особый шарм, адреналин, который вряд ли получишь, сидя в удобном кресле собственного кабинета, тем более что здесь он всем телом чувствовал, как спасает чью-то жизнь. А стань он врачом, выписался больницей – одной занозой в заднице меньше, помер – не беда, еще привезут.

– Да где ты там?! – Рич крикнул так громко, что в соседнем переулке проснулся местный бомж, и где-то вдалеке залаяла собака. Боб выпрыгнул из машины со спасительным прибором в руках.

– Сера, – прохрипел запыхавшийся напарник, протягивая дефибрилятор Финчеру.

– Сера? – переспросил тот.

Жвачка, которую жевал Муди явно мешала ему как следует отдышаться, и от напряжения на лбу у него выступил пот.

– Да, сера. Кровь у него зеленая, так?

– Так, – Рич приклеил электроды к груди незнакомца.

– Вот! Я где-то читал, что если принимать много препаратов с содержанием серы, то кровь станет зеленой.

– Интересная теория, но не объясняет сердце, – экран мигнул, дефибрилятор пискнул и был готов к работе. – Разряд!

Боб машинально поднял руки вверх, в этот же момент незнакомец глубоко вдохнул и открыл глаза. У Финчера успела мелькнуть только одна мысль: «Теперь он подаст на меня в суд». Прибор пустил электрический разряд, человек выгнулся, и лицо его исказила гримаса боли. Еще бы, 4000 вольт проходящие через все ваши мышцы – не самый лучший способ провести вечер. Сознание, на мгновение посетившее пострадавшего, снова покинуло тело.

Муди сочувствующе покачал головой.

– Вот теперь тебя точно уволят.

Рич не обратил внимания на подколку напарника, он смотрел на дисплей, тот показывал, что сердце не билось.

– Не знаю, что у него с организмом, – наконец ответил Финчер, – но этот парень умудряется быть теплым, дышать, даже пришел в сознание на секунду, и все это с остановившимся сердцем. Да что там, у него кровь идет! Ты такое хоть раз видел?

– Нет. Феномен. Так что делать будем?

– Да откуда мне знать? Я даже не уверен спасаем ли мы его, или только хуже делаем. Так, давай думать. Что у нас есть? Некий Джон Доу, с пулевым отверстием в груди. Кровь зеленая, возможно из-за серы. Пульса нет. В сознание приходил, но ненадолго. Нетранспортабелен. Я что-то забыл?

– Ага, – Боб, раздражающе чавкая, кивнул в сторону лежавшего незнакомца. – Он на тебя пялится!

Рич повернулся и увидел, как человек, которого он только что вырубил ударом тока, слегка приоткрыв глаза, следит за всеми его движениями.

– Эй, парень, – Финчер встал на колени и придвинулся как можно ближе, чтобы не пропустить важные ответы. – Ты как?

Незнакомец медленно провел зеленоватым языком по серым и сухим губам, а затем ответил: «В груди колет».

– Конечно колет, у тебя же там пуля застряла. Тебе бы в больничку надо. Поедем в больничку?

– Нет, ваши врачи мне не помогут.

– Еще как помогут, только ты должен нам сказать, как отстегнуть твой тяжеленный чемодан.

Глаза незнакомца округлились, будто он вспомнил о чем-то очень важном, но давно забытом. Рукой с наручником он не глядя начал ощупывать промокший картон, в котором его нашли медики. Его дыхание заметно участилось, а губы беззвучно шептали что-то невнятное. Как только его пальцы наткнулись на холодный металл кейса, он облегченно выдохнул и с удивительной легкостью подтащил поклажу поближе, затем приподнял ее и положил себе на грудь, прямо на позеленевшую от крови повязку. Медики удивленно переглянулись.

– Адреналин? – пожимая плечами, предположил Муди.

– Давай так, – Финчер положил руку на металлический кейс, – ты очень постарайся и поможешь нам занести твой чемодан в машину, а мы отвезем тебя в больничку и быстренько залатаем. А?

– Мне нужно доставить груз, пока корабль еще здесь... – он закашлялся и скривился от боли. – Вы не понимаете.

– А ты объясни, у нас есть к тебе парочка вопросов.

Незнакомец застонал и снова потерял сознание. Финчер встал и задумчиво хмыкнул.

– Корабль, значит. Куда же ты собрался плыть? Так или иначе, дырка в груди сама не пройдет. Нужно что-то делать, а не то он так и окочурится здесь.

– А что? – Муди нервно чавкал. – Сам же знаешь, чемодан нам не поднять... Идея! Руку же мы ему вряд ли отнимать станем, так? Зато можем вскрыть кейс и вытащить все из него. Думаю, он не обидится, мы же ему жизнь спасали.

Ричарду понравилась эта идея, и он принялся копаться в своей красной сумке. Через мгновение он достал из нее скальпель и, направив луч света своего налобного фонарика на кейс, начал ковырять замок.

– Бобби, помнишь, я в прошлом году с той блондинкой летал на концерт в Лос-Анджелес? – Боб кивнул. – Так вот, представляешь, забыл пароль от своего чемодана. Не мог открыть и все тут, думал уже придется разрезать. Жалко стало чемодан, новый совсем, и я поискал в интернете. Оказывается, открыть такой замок, имея при себе что-нибудь тонкое и острое, проще простого.

Замок кейса щелкнул и открылся. Ричи осторожно приоткрыл крышку (в Нью-Йорке осторожность в цене, этот тип мог запросто хранить в чемодане ядерную бомбу).

– Вау! Ох ни хрена себе... – Финчер замер, разглядывая содержимое.

Муди стало интересно, что же вызвало такую бурную реакцию у напарника, он заглянул ему через плечо и увидел, что кейс до отказа набит золотыми слитками. Такие можно увидеть в криминальных фильмах про ограбления банков. Обычно в кино харизматичный герой набирает полную спортивную сумку таких золотых кирпичиков и с легкостью покидает банк, хотя в действительности каждый из них весит не меньше десятка килограммов.

– Что будем делать? – нарушил затянувшееся молчание Боб.

– Не уверен, – ответил Рич.

– Может он их украл? Я хочу сказать, у него пуля в туловище и полный чемодан золота, он его точно украл.

– Ты не можешь знать наверняка, а вдруг беднягу хотели ограбить?

– Ну, так что ж тогда не ограбили? Подстрелить, подстрелили, а чемодан оставили? Нет, Финч, так не бывает. Нужно звонить копам.

– А может не нужно? – Муди вопросительно поднял бровь. – Думаю, у меня есть основания полагать, что он не человек.

Боб не ожидал такого ответа и расхохотался так, что жвачка, которую он все это время жевал, пулей вылетела у него изо рта.

– Ну ты и шутник, – наконец сказал Муди, вытирая выступившую слезу. – Если не человек, то кто, робот?

– Я серьезно, сам подумай. Например, как, по-твоему, он пришел сюда? Сколько весит этот чемодан? Двести? Двести пятьдесят? Мы его вдвоем не смогли поднять, а он одной рукой взял и смог. А зеленая кровь? Зеленая кровь тоже не аргумент?

Улыбка пропала с лица напарника, а брови медленно сошлись над переносицей.

– Может он спортсмен, или под наркотой? Точно! Новая дурь делает тебя суперстильным, но в ней много серы и поэтому кровь зеленая.

– Ну, хорошо, а сердце? У него нет сердца, или, по крайней мере, он уже пятнадцать минут живет без пульса. Это ты как объяснишь?

Боб начал сдавать позиции.

– И еще он сам сказал, что НАШИ врачи ему не помогут. Корабль, черт подери, он сказал, что ему нужно на корабль! Ты понимаешь, Бобби, что он хотел на космический корабль? Никакой он не моряк, он пришелец!

Боб не мог найти ни одного контраргумента, вся ситуация казалась ему смехотворной, но против того, что видишь собственными глазами, здесь и сейчас, просто не попрешь. Он, конечно, мог зажмуриться, сказать, что им все почудилось и набрать 911, но он обманул бы сам себя, а это было скорее в стиле Ричарда.

– Что ты предлагаешь?

– Здесь хватит нам обоим на всю жизнь и еще останется, – Финчер оглянулся и продолжил шепотом. – За спасение пришельцев мне не доплачивают.

– Ты собираешься... – Боб провел пальцем по горлу, и напарник кивнул в ответ.

– Он не человек, отнесись к этому как к убийству из милосердия. Тем более, мы чисты перед законом, ведь на инопланетян наши законы не распространяются, – Ричард видел стену сомнения в глазах напарника и видел, что эта стена вот-вот рухнет, нужно только немного подтолкнуть. Он взял в руку слиток золота и протянул Бобу. – Видишь, это и еще половина оставшегося твоего, бери. Почувствуй вес своей безбедной жизни.

Муди принял слиток, он оказался тяжелее, чем на первый взгляд, но это была приятная тяжесть. Он всмотрелся в отполированную желтую поверхность и увидел собственное отражение, оно улыбалось.

Ирландский паб «Тощий Пес» закрывался в полночь, но только для обычных клиентов. Для тех, кто любит не только выпить, но и перекинуться в картишки, заведение продолжало свою работу до последней ставки.

Подвал был окутан синими клубами сигарного дыма. В центре освещенного круга стоял стол, заваленный купюрами. За столом сидели трое мужчин в дорогих костюмах и пристально смотрели друг на друга, затем один из них медленно, одну за другой, перевернул свои карты.

– Флэш рояль, – сказал он и ухмыльнулся. – Теперь вы понимаете, почему меня называют счастливым Фрэнк?

Металлические двери со скрипом открылись, и в проеме показался охранник.

– Мистер Белл, там какой-то Финчер вас спрашивает.

– Что ему надо? – раздраженно рявкнул Фрэнк.

– Говорит, что по поводу долга.

– Пропусти, – Белл махнул рукой и принялся пересчитывать свой выигрыш.

Охранник выглянул в коридор и через мгновение затолкал Ричарда в помещение.

– Что, Финчер, пришел просить отсрочки? Так знай, ты ее не получишь, я хочу видеть свои деньги в положенный срок и если будет не хватать хотя бы одного бакса...

– Нет, – перебил его Рич, – я здесь не для того что бы возвращать тебе деньги, – он приподнял свою рубашку, достал из-за пояса блестящий слиток золота и бросил его на стол. – Я пришел отыграться!

Сознание к Финчеру возвращалось нехотя, голова раскалывалась, а на затылке вздулась внушительных размеров шишка. Последним что он помнил, была ехидная улыбка Фрэнка и предательский удар в спину.

– Проснись и пой, – с этими словами охранник окатил его из ведра холодной водой.

Ричи окончательно пришел в себя и попытался встать, но понял, что привязан к стулу.

– Что за черт? – спросил он, откашливаясь. – Где я?

Помещение было ему незнакомо и это не удивительно, голые бетонные стены, грязный пол, на котором еще не засохли следы чьей-то крови, обычно люди, попадавшие сюда, живыми не уходили.

Все знали, что с Фрэнком Беллом не шутят и, если уж ты ему чем-то насолил или еще хуже задолжал – лучше бежать и бежать не оглядываясь. Этот человек ради собственного развлечения мог запереть тебя в одной комнате с бойцовскими собаками и с удовольствием смотреть, как они будут отрывать от тебя по кусочку. Поговаривали, что у него даже есть собственное маленькое кладбище, на котором зарыты все его враги. Ричард не верил в такие сплетни, но и проверять их достоверность не собирался.

– Что это такое? – послышался голос откуда-то справа.

Финчер повернул голову и увидел Фрэнка, он вальяжно раскинулся в кресле, его дорогой костюм явно не подходил к окружающей обстановке. В протянутой руке Фрэнк держал слиток золота.

– Я очень не люблю повторяться, Финчер, но ты особенный гость в нашем заведении, поэтому сделаю исключение и спрошу еще раз. Что это такое? – он потряс в воздухе слитком.

– Это золото, Фрэнк. Благородный и очень дорогой металл.

Белл встал и подошел к Финчеру.

– И где же ты достал столько благородного и дорогого металла? – спросил он, слегка наклонившись вперед.

– Пожалуйста, отпустите меня, я ничего не знаю.

Фрэнк взвесил в руке слиток, как бы привыкая к его тяжести, а затем со всего размаху заехал им Ричи по голове. Финчеру показалось, что вселенная с нестерпимым грохотом раскололась на мельчайшие осколки. Кровь из рассеченной скулы брызнула на пыльный пол.

– Ты меня за идиота держишь? – голос Фрэнка сорвался на крик, а на правом виске выступил пульсирующий сосуд. – Откуда у такого никчемного опарыша как ты, – он ткнул окровавленным слитком Ричарду в грудь, – столько золота? Запомни Финчер, тебя никто искать не будет и если ты со мной вздумал в игры играть, то знай, я всегда выхожу победителем, или я не счастливчик Фрэнк.

Он отступил назад и его место занял охранник.

– И так, я жду ответ на свой вопрос.

Рич демонстративно застонал и закатил глаза.

– Сначала бьешь меня по голове, а потом просишь вспомнить что-то? Друг, да у тебя с логикой не все в порядке.

Фрэнк удивленно обернулся.

– И это говорит человек, который добровольно пришел в подвал полный преступников со здоровенным куском золота в штанах. В подвал ко мне, к Фрэнку Беллу! Да у нас тут образовался Рэмбо, – Белл толкнул охранника локтем в бок. – Ты смотрел Рэмбо?

– Нет, сэр, – ответил тот.

– О, ты много пропустил. Знаешь, как назывался первый фильм? Рэмбо: Первая кровь. Как звучит, а? Мне нравится кровь, а тебе? – охранник кивнул. – Ну что ж, тогда отрежь ему палец. Посмотрим на его кровь.

Лицо охранника расплылось в улыбке. Судя по всему, этот парень очень любил отрезать людям конечности и с нетерпением ждал этого момента. Он зашел Финчеру за спину и принялся греметь чем-то металлическим. Похоже, что там стоял целый стол, заваленный инструментами для пыток. Ричи начало казаться, что слухи про личное кладбище были не только правдивыми, но и преуменьшенными.

– Стойте, стойте, я вспомнил, я все расскажу, – начал было причитать Финчер, но Фрэнк не дал ему договорить.

– Твой поезд ушел, – он перебрасывал слиток из руки в руку, наслаждаясь его блеском. – Я был добр к тебе и просил по-хорошему. Я же просил по-хорошему?

– Угу, – откуда-то сзади подтвердил охранник.

– Вот! – Фрэнк указал на него пальцем. – Я проявил терпимость и уважение, хоть ты его не заслужил, и вместо того, чтобы просто ответить на вопрос ты решил со мной поиграть в игру «я тупой и ничего не знаю».

Холодный металл прикоснулся к указательному пальцу Ричарда, его сердце тут же сжалось в комок, а затем заработало еще быстрее.

– Рэмбо, ты проиграл.

Раздался щелчок и руку Финчера пронзила боль, он не выдержал и закричал. Охранник подошел к Беллу, вертя в руке указательный палец, тот только отмахнулся.

– Можешь оставить себе, дарю, – охранник снова глянул на палец и равнодушно бросил в дальний угол комнаты. – Ну что, Финчер, память не вернулась? – Ричард только стонал. – Ну что ж, тогда придется лишиться тебя еще одного.

– Стой, я все скажу, только не надо больше...

– Ага! И у нас победитель! – Фрэнк изобразил мелодию из игрового телешоу. – Но знаешь, что? Я бы с радостью послушал тебя, вот только настроение совсем пропало. Видишь ли, – он поднял слиток к своим глазам, – у меня уже есть здоровенный кусок золота. Что ты еще можешь мне дать? Разве что еще один пальчик. Возьмем еще один?

Охранник с глупой улыбкой на лице кивнул и снова зашел Финчеру за спину. Металл опять прикоснулся к руке.

– погоди! – Рич пытался собраться с мыслями. – погоди, есть еще. У меня есть еще!

– Вот это уже другой разговор, только ты попридержи коней, расскажешь через минуту.

Фрэнк кивнул, секатор щелкнул и безымянный палец упал на пол, прямо в небольшую лужицу крови, которая успела капать из того места где раньше был указательный.

На этот раз Финчер уже не кричал, рука как будто стала деревянной и боль тусклыми отголосками доходила до мозга. В этот момент его волновали не потеря крови и не пальцы на полу, его волновало только одно, как заставить человека с секатором поверить в историю с пришельцем.

В то время как Ричард отчаянно пытался оставаться в сознании Фрэнк подтащил свое кожаное потертое кресло, которое явно повидало виды, и поставил его в полуметре напротив Финчера, затем, поправив дорогой пиджак, сел.

– Эй, – он похлопал Ричи по щеке, – ты еще тут? Не вздумай уходить на рекламную паузу в самый интересный момент, это жутко раздражает, – Финчер открыл глаза. – Так-то лучше. Так, на чем мы там остановились? Ах, да! Ты хотел рассказать мне про благородные и дорогие металлы.

Желтоватый блеск погрузил Муди в глубины фантазий о роскошной жизни. Дорогие яхты и красивые женщины, вкусная и всегда свежая еда в лучших ресторанах, и самое главное – не надо работать ночью, да и вообще работать не надо.

Боб подозревал, что даже если парень действительно не с этой планеты, то золото уж точно местное, а значит, его пропажу заметят, и, соответственно, будут искать, где оно всплывет. Эта мысль портила все. Все яхты начали тонуть, а красавицы потеряли свой былой шарм.

– Бобби, – Ричард исподлобья смотрел, как его напарник потерянными глазами пялится на слиток в своих руках. – Бобби, золотце, ты еще тут? Хьюстон вызывает Муди, Хьюстон вызывает Муди. У нас проблемы, мы должны убить пришельца и спрятать тело.

Услышав слово «убить» Боб тут же пришел в себя.

– Ты что, с ума сошел? Зачем так орать? – он кинул взгляд на пришельца, тот по-прежнему лежал без сознания, и, схватив Ричи за рукав отволоч к машине. – Ты понимаешь, что если нас кто-нибудь услышит, то...

– Да успокойся ты, тут никого нет, – Финчер указал на дома. – Смотри, ни одного окна. А прохожие? Ты видел хоть одного за все время? – Боб отрицательно мотнул головой. – Вот именно! Так что возьми себя в руки и для начала помоги загрузить золото в машину.

– А что на счет этого? – Муди кивнул в сторону лежавшего на асфальте пришельца.

– Я разберусь, – ответил Финчер.

Он подошел к незнакомцу и встал перед ним на одно колено. «Не навреди» вертелось в его голове, снова и снова. Дрожащей рукой он потянулся к позеленевшей повязке.

– Сначала ты хотел резать трупы... – прозвучал укоризненный голос отца откуда-то из дальнего уголка сознания. – Решил пойти еще дальше? Теперь ты в палачи записался?

– Нет, пап, я просто...

– Это, по-твоему, просто? Вот так взять и отобрать жизнь? Помнишь, за что тебя ценят окружающие? Ты сохраняешь жизнь, причем лучше всех своих коллег, и ты решил все разрушить одним движением руки? Ради чего? Ради чего хороший человек может пойти на убийство?

– Прости, – на этот раз Ричард ответил вслух. – Прости, мне просто очень нужны деньги.

С этими словами он срезал повязку с груди незнакомца и при первом же вдохе воздух начал снова наполнять грудную клетку. Ричу казалось, что он погрузился в вакуум, все звуки беспокойного ночного города исчезли и окружающую действительность до краев заполнили затихающие хрипы.

– Вот так, – Финчер взял пришельца за руку, серая кожа на ощупь была холодной. – Не волнуйся, просто дыши.

Голос отца в голове кричал, просил, молил его помочь умирающему, но решение Ричарда было окончательным. Оставалось только терпеть и ждать.

Пришелец сделал последний еле заметный вдох и затих, вместе с ним затих и голос в голове. Вот и конец, обратного пути нет.

Рич отпустил руку незнакомца, она безжизненно, словно резиновая, упала на асфальт.

– Ты закончил? – Муди закинул последний слиток в машину. Финчер кивнул. – Что будем делать с телом?

– Избавимся побыстрее и забудем, как страшный сон.

Парни погрузили труп на каталку и затащили в скорую помощь.

– Куда? – спросил Боб.

– В доки, куда же еще?

– погоди ка, Рэмбо. Ты хочешь мне сказать, что вы нашли в подворотне пришельца с целым чемоданом золота, убили его, а труп скинули в море? – Фрэнк на мгновение замер, а затем громко расхохотался. – Посмотрите только на него, уже двух пальцев нет, а все шутки шутит. Эй! – он махнул рукой охраннику. – Давай ка еще пальчик.

Не успел Рич открыть рот, как секатор щелкнул, и средний палец с еле слышным стуком упал на пол.

– Ну, допустим, я поверил, – продолжил Фрэнк. – Но не в этот бред с пришельцами, нет. Зеленая кровь... – он недовольно фыркнул. – Чушь! Вот чемодан золота это куда интереснее. Ты же мне не соврал про чемодан? – Финчер замотал головой. – Вот и отличненько. Выходит, что ты со своим подельничком поделил все золото пополам. И где твоя половина?

– Дома, под кроватью. Там все, честное слово.

– Просто прекрасно! Великолепно! Говорил же, что ты сможешь, когда захочешь. Теперь, ты должен сделать для меня еще кое-что, мы устроим небольшой телефонный розыгрыш.

Белл вальяжно бросил слиток, который все это время держал в руках, на кресло и, нащупав в кармане Финчера мобильник, аккуратно достал его. Пролистав записную книжку, он нашел телефон Бобби и нажал кнопку набора. Когда раздались первые гудки, Фрэнк перевел мобильник в режим громкой связи.

– Да, – через мгновение ответил Муди. В эту же секунду Фрэнк достал из-за пазухи пистолет, приставил его к щеке Финчера и взвел курок.

– Бобби, золотце, – Ричард изо всех сил старался говорить спокойно, но голос предательски подрагивал, – ты еще в городе?

– Да, – неуверенно ответил Муди, – а что?

– Ничего серьезного, просто хотел отметить нашу находку. Ты же, я надеюсь, еще не все потратил? – Финчер неловко рассмеялся.

– Нет, конечно! Да я и за всю жизнь не справлюсь, – услышав эти слова, Фрэнк расплылся в улыбке. – А что тебе приспичило в три часа дня?

– Просто я подумал, когда мы еще с тобой увидимся? Сейчас каждый полетит в свой уголок мира, устроит себе локальный рай, а поговорить не с кем.

– Так ты просто попрощаться хочешь? Ну, хорошо.

– Отлично, встретимся в «Тощем Псе». Через сколько ты сможешь?

– Не знаю, Финч, я теперь очень занятой человек. Думаю, смогу выделить немного времени в следующий вторник. Тебе подойдет?

– Ха-ха, – без улыбки протянул Рич.

– Ладно, ладно, через полчаса подкачу.

– Тогда встретимся там, – Фрэнк повесил трубку и убрал пистолет от лица Ричарда, затем выпрямился во весь рост и кинул телефон охраннику.

– На всякий случай отрежь ему остальные пальцы, вдруг они с дружкой нас дурят? А я пока пойду, подышу свежим воздухом, за одно и познакомлюсь с подельником.

Охранник довольно хмыкнул и наклонился, чтобы начать свое грязное дело, но в последнюю секунду Фрэнк, уже стоявший в дверях, окликнул его.

– Только не дай ему подохнуть. Я хочу с ним еще поболтать, когда вернусь.

Охранник кивнул и дверь захлопнулась. Белл оставил Ричи наедине с садистом и секактором.

– Послушай, – Финчер говорил быстро, он уже почувствовал холод металла своим мизинцем, – тебе не обязательно этого делать. Давай все обсудим. У меня есть еще деньги и... – предложение не успело закончиться, как мизинец перестал быть частью Ричарда Финчера. Мгновение спустя глухой щелчок оставил его правую кисть совсем без пальцев, а владельца руки без сознания.

Охранник ткнул локтем свою жертву в голову, та бесчувственно качнулась. Он равнодушно пожал плечами и продолжил исполнять приказ.

Первым что почувствовал Ричи, придя в себя, была тупая ноющая боль в руках. Запястья были чем-то перетянуты, скорее всего, чтобы остановить кровь.

Открыв глаза, он огляделся по сторонам, Белла до сих пор не было или же он снова ушел, так или иначе в подвале были только он и охранник.

Откуда-то из глубины мозга снова всплыл голос отца, он звучал успокаивающе и в то же время настойчиво.

– Сынок, ты должен жить. Слышишь меня? Если ты не сбежишь, они тебя убьют. Ты должен бежать.

– Но как?

– Посмотри на этого парня, он стоит спиной.

Финчер поднял голову и увидел, что охранник действительно стоял к нему спиной и играл в какую-то игру на его телефоне.

– Он тебя недооценил, и ты воспользуешься этим.

– Что толку, если я связан?

– Ты уверен?

Ричард аккуратно напряг правую руку и с удивлением обнаружил, что веревки поддались практически без сопротивления. Отсутствие пальцев и кровь на коже сильно облегчили дело. Медленно, стараясь не издавать лишних звуков, он высвободил руки и с ужасом уставился на изуродованные конечности. Кисти были больше похожи на плавники, кожа мертвенно бледная, а вместо пальцев остались окровавленные огрызки. Неприятный ком подкатил к горлу.

– Не время, сынок, – голос отца выдернул Финчера из пучины отчаяния. – Соберись! Ты должен бежать. Внезапность – это твой шанс, твое оружие. Этот урод лишил тебя пальцев, а ты лишишь его жизни, тебе ведь уже не в первой, верно?

Финчер медленно, стараясь не издавать лишних звуков, встал со стула. Жертва была на расстоянии пары больших шагов, но для него они казались бездной.

– Ну и что я должен с ним сделать? Он явно в другой весовой категории, да и руки у меня уже не те.

– Сынок, не заставляй меня в тебе разочаровываться, включи мозги!

Финчер окинул взглядом помещение в поисках чего-либо, более-менее напоминающего оружие, и нашел его. На потертом кожаном кресле блестел своим манящим желтым светом слиток золота, который, уходя, оставил Фрэнк. Рич аккуратно обхватил его своими изуродованными руками и хорошенько примерился к весу. Кровь на ладонях засохла не до конца, и слиток моментально стал скользким. Оружие так себе, но выбрать не приходилось.

Ричард, как следует, размахнулся и со всей имевшейся в тот момент силы ударил охранника десятикилограммовым металлическим брусом по затылку. Удар получился такой размашистый и сильный, что на слитке осталась небольшая вмятина. Охранник издал приглушенный стон и упал без сознания.

– Кинотеатр закрывается! – Финчер поднял слиток над головой и обрушил его на лежавшего. Череп проломился как спелый кокос, мозги вперемешку с кровью брызнули в стороны. Финчер словно загипнотизированный целую минуту смотрел, как растекается багровая лужа.

– Сын, – подсознание голосом отца зывало к Ричи, – вспомни, ты должен бежать, времени мало.

– Нет, рано. Нужно предупредить Бобби, еще есть шанс, что Фрэнк до него не добрался.

Он поддел тело охранника носком туфель и толкнул его. Труп перекатился на спину, безжизненные глаза уставились в потолок. На полу, в том месте, где только что лежал охранник, Финчер увидел телефон.

– Целый, это хорошо.

Первый звонок по мобильному телефону был произведен в 1973 году, тогда компания Motorola родила на свет почти килограммовый кирпич из пластмассы, который держал заряд всего полчаса и стоил на современные деньги примерно 9000 долларов. Это было крайне сомнительное и очень дорогое удовольствие, которое могли себе позволить лишь воротилы с Уолл-Стрит. Но было в этом телефоне то, за что Ричард Финчер сейчас отдал бы эти 9000 или даже больше. Толщина такого телефона составляла 12,5 сантиметра. В ходе технического прогресса мобильники становились все легче и тоньше, но что толку с этих улучшений, если у вас не осталось пальцев?

Скользкими от крови, онемевшими и изуродованными ладонями Рич пытался обхватить проклятый кусок пластмассы. С 12,5 сантиметровым брусом это проделать было бы на порядок легче.

– Используй голову, идиот, – и голова будто послушалась, выдав неплохую идею. Финчер лег на живот так, чтобы лицо было прямо над телефоном, затем зафиксировал устройство ладонями и носом провел по экрану, тот засветился. Рич облегченно вздохнул и набрал номер Муди.

– Только возьми трубку...

Гудок.

– Просто ответь на звонок...

Гудок.

– Давай, Бобби, дружище.

От сильного удара ногой двери в подвал распахнулись и с грохотом ударились в стену. Из темноты коридора в помещение зашел Фрэнк со звонящим телефоном в одной руке и увесистым чемоданом в другой.

– Дорогая, я дома! – он вальяжно прошагал по комнате, остановился возле Рича и бросил ему игравший мелодию мобильник, на экране которого светилось «Рич Финч»

– Смотрю, вы тут и без меня хорошо провели время, – Фрэнк пнул труп охранника. – Жаль, так хотелось поразвлечься.

Он бросил чемодан на пол, затем вышел в коридор и занес второй.

– М-да, ну и наделал же ты дел, Финчер. Ты же в скорой работаешь, на сколько я знаю?

Рич нерешительно кивнул, он все еще лежал на полу и боялся пошевелиться.

– Ну и как, не жалеешь, что так поступил? Хотел бы вернуться и сделать другой выбор? Ты бы спас того парня, твой друг остался бы жив. Да, кстати, я выкинул его труп в мусорный бак, как дохлую дворнягу. Ах, и пальцы, посмотри, – Фрэнк указал на разбросанные вокруг стула пальцы, – они были бы сейчас на своем законном месте.

Допустим твоя история про инопланетянина – правда... Подумать только, инопланетная жизнь... Сколько нового человечество могло бы узнать, сколько открытий сделать? А ты все просрал. И ради чего? Вдумайся только, ты убил представителя инопланетной цивилизации, возможно, тем самым объявив человечеству смертный приговор, начав межпланетную войну, только чтобы лишний раз поиграть в карты в подвале пивнушки. Финчер, ты официально самый тупой сукин сын, которого я встречал в своей жизни. Мне решительно непонятно как тебя взяли на работу в скорую, и как ты до сих пор еще не вылетел. Но знаешь, что? Благодаря тебе у меня теперь есть столько золота, что я за раз не могу все поднять, и даже если в конце недели к нам прилетит космическая армада устраивать резню, я умру на шелковых простынях в роскошном особняке, а ты – здесь, в крови, грязи, и дерьме, – Белл достал пистолет и нацелил на Ричарда. – Я бы... а к черту!

Фрэнк нажал на спусковой крючок, курок ударил по капсюлю, порох воспламенился и расширяющиеся от тепла пороховые газы вытолкнули из ствола пистолета девяти граммовый кусочек свинца.

Сначала, время замедлялось незаметно, но к моменту, когда пуля преодолела почти весь путь от стрелка к жертве, прошла сквозь ладонь, которой Финчер закрыл свое лицо, и уперлась в кожу на лбу – совсем остановилось.

Два человека замерли в нелепых позах. Один, зажмурившись, стоял, держа оружие из ствола которого вырывалось пламя, второй лежал на полу и в страхе закрывал лицо окровавленной ладонью.

Тени в одном из углов комнаты дрогнули, исказились и растаяли словно дым. Мастерская иллюзия света рассыпалась, показав того, кто прятался за ней все это время. Незнакомец в коричневом осеннем плаще до пола вышел в центр комнаты, открыл сначала один чемодан, а затем и второй. Убедившись, что все золото на месте он с необычной легкостью поднял поклажу и направился к выходу. Остановившись в дверях, он окинул сочувствующим взглядом застывшую пару.

– Вымирающий вид, как жаль, – незнакомец вздохнул и закрыл дверь. Время продолжило свой полет, а вместе с ним и маленький девяти граммовый кусочек свинца.

Часть третья. За две секунды до полуночи

– Ну и холодина, – Дэннис грузно ввалился на пассажирское сидение полицейского «Форда». В руках он держал картонную подставку с двумя стаканчиками.

– А? Что? – встрепенулся Букер и растерянно огляделся по сторонам. Тучи окончательно заволокли монотонным серым бетоном небо и на лобовом стекле уже начали появляться маленькие капельки.

– Ты что, дрыхнешь тут? – Дэннис захлопнул дверь и протянул напарнику кофе.

– Да не, просто дал глазам немного отдохнуть, – Букер взял стаканчик и обхватил его обеими ладонями. Дежурство не успело начаться, а пальцы уже замерзли и плохо слушались.

– Дрыхнешь, дрыхнешь, я ж вижу, – Дэннис улыбнулся. – Ну и правильно, погодка – мерзость. По такой только и спать, – он отхлебнул из своего стаканчика, скривился, и отставил его на приборную панель автомобиля. – Ух, горячий, зараза. Кстати, ты знал, что в этой кофейне целых тридцать разновидностей кофе, всякие капучино, эспрессо, лате и все такое, а чая всего два, черный и зеленый?

– Это ты к чему? – Букер аккуратно отхлебнул из своего стаканчика, и кофе, волной приятного, бодрящего жара прокатился по горлу напрямиком в желудок.

– Да так... Марси в последнее время начала намекать, что я себя не берегу, если можно так выразиться.

– Что говорит? – по правде сказать, Букеру было абсолютно все равно, что она там говорит, он спросил из вежливости и рассчитывал получить в ответ что-то типа «да так, ничего» или «ай, не обращай внимания». Погода действительно была мерзкая и вовсе не настраивала на разговоры. Но Дэннис был из той породы людей, которые не могли просто так сидеть и молчать, это было выше его сил.

– Назвала меня жирным, представляешь? – ответил он и недовольно фыркнул.

Букер представлял. Сложно было не представить, учитывая тот факт, что живот Дэнниса с трудом пролазил в двери бедного «Форда».

– Да ладно? – Букер изобразил крайнее удивление, и опять из вежливости спросил: – Так прям и сказала?

– Ага. Ты, говорит, Пит, совсем жирный стал. Как будто она сама королева красоты. Говорит, бросал бы ты пончики с кофе жрать целыми днями, а не то так гляди и взорвешься. Но я на нее смотрю и вижу, что это она скоро взорвется, и если это случится, то мне хана. Мою лучше не злить...

Вызов на 218 Канал-стрит, – вдруг раздалось из динамика автомобильной рации, – пожилая женщина жалуется на странный запах из соседней квартиры.

На секунду в машине повисла тишина, затем Дэннис шумно вздохнул и потянулся за рацией. Ему очень не хотелось начинать и без того унылый день с не менее унылого вызова. Старушка из Чайнатауна жалуется на плохой запах, ну и хрен бы с ней, глядишь не перестрелка. Несмотря на это, работа есть работа, а потому он монотонно протараторил в микрофон: «Восьмая машина, вызов принял», и повесил его на место.

– Чем все с женой то закончилось? – спросил Букер, пристегиваясь.

– Чем, чем? У меня всего два варианта: либо ее бросать, либо кофе с пончиками. Вот, – он ткнул пальцем в стаканчик, стоявший на приборной панели, – чей теперь пью.

Дом по Канал-стрит представлял собой старое пятиэтажное здание, практически в центре Чайнатауна. Его бежевый, грязный фасад «украшали» поржавевшие пожарные лестницы и пестрые вывески на китайском.

Патрульный «Форд» блеснул пару раз маячком и остановился у тротуара. Первым из автомобиля вышел Букер и ему в нос тут-же ударил резкий запах сырой рыбы. Недавно

выпитый кофе неприятным комом подкатил к горлу и Генри, сморщившись, зажал пальцами нос.

Генри Букер на дух не переносил рыбу и все, что с ней связано. Это была ненависть, глубокая, насыщенная и неискоренимая. А все из-за того, что в детдоме, в котором он провел свое детство, уродливая и не менее злая кухарка миссис Крабапл, с картинной бородавкой на носу по вечерам пятницы всегда готовила палтус. И все бы ничего, подумаешь, порция жареной рыбы раз в неделю, но одному из таких пятничных вечеров было суждено совпасть с днем рождения Генри. Одинокая свечка на скромном маленьком тортике, больше походившем на кекс – это все, что обычно получали именинники в детдоме, свой личный миниатюрный праздник. Генри же получил еще и пищевое отравление. В тот вечер миссис Крабапл, не смотря на праздничное меню, не стала нарушать традицию, приготовив, купленного накануне палтуса, который оказался пропавшим. Всю ночь Генри провел на унитазе, выблевывая смешавшуюся с тортом рыбу, и в, это же время, приобретая к ней устойчивую неприязнь.

– Твою мать, – прохрипел Букер. – Что за черт?

– Рыбный ряд, – крикнул Дэннис, вылезая из-за руля.

И действительно, весь первый этаж соседнего здания был занят небольшим мясным рынком, добрую половину которого занимал рыбный ряд.

– Причина вызова – странный запах? – глаза Генри начинали слезиться. – Думаю, нужно сразу звонить детективам, это загадка, которая нам явно не по зубам.

Дэннис оценил шутку коллеги, но вместо короткого смешка у него почему-то получилось только приглушенно хрюкнуть.

– Слушай, – Дэннис показал пальцем на магазин через дорогу. Надпись на вывеске гласила: «Пекарня Драгон Лэнд», – давай потом туда заскочим, а?

– Я думал, ты теперь на диете, – Генри обошел «Форд» и, приблизившись к напарнику, ткнул пальцем в его массивное брюхо. Палец уперся в бронезилет, который все патрульные обязаны надевать под рубашку, но живот Дэнниса все равно колыхнулся, словно огромная порция желе.

– Марси пригрозила, что с завтрашнего дня на завтрак мне какую-то траву будет давать. Типа для здоровья полезно. Как будто я козел какой на грядке. Вот, хотел напоследок человеческой пищи перехватить. Так что, зайдём?

– Пит, ты мой напарник и я дорожу твоим здоровьем, как ничьим другим. Конечно, зайдём. Только пончики не бери, а то реально взорвешься.

Дэннис снова хрюкнул и зашел в подъезд. Улыбку с его пухлого лица тут же, как ветром сдуло. В здании не было лифта.

– Какая квартира там была? – спросил он, все еще тешась надеждой, что не придется подниматься на самый верх пешком. Только не на самый верх.

– 5-с, – ответил Генри. От этих слов у Дэнниса внутри что-то умерло. Он жалобно посмотрел вверх, на уходящие ввысь бесконечные перила, затем на своего напарника.

– Может я тебя внизу подожду, а?

Букер коварно улыбнулся, эта улыбка означала «нет». Поблажек от него ждать не стоило. В вопросе лишнего веса он придерживался только одного правила: Сам жрал – сам и мучайся. А что, если наверху его примут два агрессивных наркомана, а напарник не удосужился поднять свою толстую задницу на пару пролетов? Нет, так дело не пойдет, а вот Дэннис пойдет, никуда не денется. Ему и правда, не помешало бы скинуть пару кило.

На третьем этаже патрульным пришлось сделать привал.

– Кажется, у меня сейчас инфаркт будет, – Пит одной рукой держался за расписанную граффити стену, а другой – за свой пухлый бок. Маленькие капельки пота скатывались из-под его фуражки и собирались на носу, откуда регулярно смахивались рукавом служебной рубашки.

- Я думал, ты его еще на втором схватил, – улыбнулся Букер.
- Ха-ха, очень смешно. Вот сдохну прямо тут и испорчу тебе день, будешь знать.
- Такой день испортить надо еще постараться.

Несмотря на то, что времени было около десяти утра, за окнами стало еще темнее. Тучи с каждым часом все больше наливались свинцом, а дождь из мелкого превратился в микроскопический. Крошечные капельки зависали в воздухе неприятной моросью, и Букер в глубине души радовался медлительности своего напарника. Если бы не это необъятное пузо, они бы уже давно здесь закончили, и ему пришлось выйти наружу, в этот дивный серый мир со сто-процентной влажностью.

До пятого этажа Дэннис добрался в полубоморочном состоянии. Теперь сомнений в правоте его жены быть не могло. Марси, скармливая этому парню столько травы по утрам, сколько сможешь, этот фарс пора заканчивать.

Букер дал напарнику немного времени отдышаться (каково будет бедной старушке увидеть стража закона в таком плачевном состоянии), а затем постучал в дверь с металлическими «5-с» над маленьким глазком.

- Полиция Нью-Йорка, – на всякий случай выкрикнул он, – откройте.

В таких районах беспечно себя чувствуют только туристы, и только до первого вытасенного из кармана кошелька. Местные же осторожны и кому попало обычно не открывают. А судя по тому, что сказал диспетчер, полицию вызвала пожилая женщина, они осторожны вдвойне.

- Может дома никого? – предположил Дэннис.

– Мэм, я вижу, как вы смотрите на меня через глазок, – Букер ничего такого не видел, но иногда эта фраза срабатывала. Этот раз не был исключением.

За дверью раздался приглушенный шорох и щелканье замков, затем она приоткрылась ровно на столько, на сколько позволяла небольшая стальная цепочка. В образовавшийся проем выглянула пожилая азиатка с белыми как снег, редкими волосами, собранными в пучок на макушке. Ее лицо было испещрено настолько глубокими морщинами, что Букеру показалось, будто это какая-то странная карнавальная маска.

- Доброе утро, мэм, это вы звонили в 911?

– Где вас черти носят? – начала она разговор с претензии. Кто бы мог подумать? – Я звонила вам полчаса назад.

По-хорошему Букеру сейчас должно было быть стыдно, ведь это он уговорил Дэнниса не спешить. Старушка жалуется на странный запах, такое может и подождать пока не закончится утренний кофе. Но ему не было стыдно. А теперь, когда он лично увидел эту склочную развалину, он жалел, что Пит не купил по две чашки каждому.

- Так что у вас стряслось? – равнодушным тоном спросил Генри, кладя руку на пояс.

- А вы сами не слышите? – удивилась старушка. – Вонь на всю лестничную площадку.

Она сморщила нос, и морщины тут же образовали целую ирригационную сеть вокруг глаз.

- Мэм, как вас зовут? – спросил Букер, стараясь сохранять самообладание.

- Ким, – отрезала она.

Генри дождался еще секунду, ожидая полного имени, но продолжения не последовало.

- Миссис Ким, у вас на первом этаже люди продают сырую рыбу и мясо, вы в курсе?

– Молодой человек, я живу в этом доме всю свою жизнь, и уж поверьте, к этим запахам я давно привыкла. Вы лучше примувайтесь, мне даже через стену воняет.

Букер не хотел потакать старой стерве, но все же вдохнул поглубже. Запах рыбы, не такой резкий, как у входа, но по-прежнему отвратительный, выбил из глаз Генри слезу.

– Миссис Ким, я ничего... – он остановился на полуслове. Это пришло как легкое послевкусие после глотка дорогого вина. Где-то там глубоко, практически на самом дне, между мучавшими нос запахами сырой рыбы, мяса и старушечьего тела притаился знакомый сладко-

ватый «аромат». Он был еле уловим, практически неосязаем, но все-таки был. Генри обернулся к своему напарнику и по глазам сразу понял, что тот тоже унюхал неприятную сладость.

– Он там наркотики варит, точно вам говорю, – прошипела старушка.

Генри ее не слушал. Еле различимая приторность, витавшая в воздухе, полностью завладела его мыслями. Он подошел к двери с номером 5-b, наклонился к замочной скважине и снова принюхался. Похоже, запах действительно исходил из соседской квартиры.

– Откройте, полиция, – Букер постучал кулаком в дверь и прислушался.

– Он там, я точно знаю, – Ким, вышла на лестничную клетку, чтобы лучше видеть, что происходит. – Вчера зашел и больше не выходил.

– Полиция Нью-Йорка, откройте! – Букер выкрикнул так громко, как только мог и снова постучал. Ответа по-прежнему не было.

– Миссис Ким, как зовут вашего соседа? – спросил у старухи Дэннис.

– Норман. А вот фамилию не помню, – ответила она неуверенно, затем добавила. – Моррис. Точно, Норман Моррис.

– Мистер Моррис, откройте дверь, – громогласно выдал Дэннис. Не зря говорят, что все хорошие оперные певцы – толстяки. – Если вы не откроете, мы будем вынуждены выбить ее!

Тишина.

Полицейские снова переглянулись, их взгляды были тяжелы, тяжелее туч, с утра не дававших свету пробиться в окна дома 218 по Канал-стрит.

– Миссис Ким, вернитесь к себе в квартиру, – Дэннис рукой направил престарелую азиатку в открытую дверь, а сам достал пистолет и встал позади Букера. Генри тоже вытащил оружие. Дождавшись, когда старушка скроется у себя в квартире, он крикнул: «Мистер Моррис, мы заходим!» и ударил ногой по двери 5-b. Удар пришелся аккурат туда, где располагалась замочная скважина. Деревянный косяк треснул и щепки разлетелись во все стороны, как маленькие коричневые конфетти.

За мгновение до удара Генри сомневался в правильности своих действий. Показания старухи воспринимать серьезно станет далеко не каждый. Сколько таких сумасбродных баб он за свою карьеру повидал, и, по сути, правы в своих обвинениях были лишь единицы. А запах? Запах был слишком слабым и мог оказаться лишь причудливым результатом смешения ароматов рыбного ряда. Но как только двери распахнулись, все сомнения отпали в одночасье. Волна омерзительной сладости вырвалась из квартиры и накрыла полицейских.

– Твою мать! – крикнул Дэннис. Он закрыл нос и рот своей пухлой ладонью, борясь с подоспевшим к празднику рвотным позывом.

Так раздражавший Букера, запах рыбы отступил, прихватив с собой и сырое мясо, и вонь старухи. Теперь балом правил новый король – сладкий смрад разлагающейся человеческой плоти.

– Есть кто живой? – выкрикнул Букер и прислушался, ответа не было. Тогда он жестом приказал напарнику следовать за ним и зашел в квартиру.

Жилище Нормана Морриса, похоже, переживало не лучшие времена. Узкий коридор, проходивший через всю квартиру, действительно напоминал типичный притон. На стенах вместо обоев наклеены обрывки газет, без какой-либо закономерности, иногда в два или три слоя. В некоторых местах на газетах баллончиком были нарисованы непонятные знаки. Будто кто-то начинал что-то писать, но тут же терял интерес к своему занятию и не доводил до конца даже первую букву. Похоже, что тот, кто этим занимался, был не в себе и не совсем понимал, что делает.

Букер не смог отыскать среди нагромождения газет выключатель и достал фонарик. Луч света пробил темноту коридора до его противоположного конца и уперся в запертую дверь.

Генри уже тогда знал, что кто бы ни был в этой квартире, он мертв, и судя по смраду, мертв уже давно. Так же он был практически уверен, что мертвец находится именно за этой

дверью, но правила поведения в таких ситуациях предписывали ему осматривать жилище постепенно. Тебе же не хочется получить ржавой отверткой в спину от какого-то бешеного наркомана, спрятавшегося в комнате, которую ты сам и не проверил?

Не сводя взгляда с закрытой двери в конце коридора, Генри подошел к ванной, аккуратно заглянул в нее и понял, что чистота хозяина волновала в последнюю очередь. Новым квартирантам понадобятся услуги профессиональных чистильщиков, потому как сантехника за слоем грязи не просматривалась, а на занавеске для душа черным мхом расплзлась плесень. Парень явно был не из любителей понежиться в теплой воде с бокалом Шардоне.

Следующим шагом на пути к источнику вони была кухня. Здесь Букер наткнулся на нечто странное. Одна из конфорок на дешевой газовой плите была зажжена, а над ней стояла трехлитровая кастрюля с молоком. Точнее молока в ней уже почти не было. Оно превратилось в коричневатую, бурлящую массу, едва покрывавшую дно. Что удивительно, запах подгоревшего молока даже не пытался перекрыть трупный. Он проиграл этот неравный бой и скромно ютился вокруг плиты. Но Букера волновало не это, он думал о том, что даже если бы бедняга Моррис поставил молоко на огонь и тут же скончался, он бы не при каких обстоятельствах не успел начать так сильно пахнуть, пока оно выкипает. И что это значит? А то, что, либо труп в таком состоянии в квартиру принесли, либо здесь кто-то недавно побывал. В обоих случаях не обошлось без живого человека. Расслабляться не стоит.

Генри выключил конфорку и вышел в коридор, Дэннис уже стоял возле закрытой двери, возле последней двери в квартире.

Букер, предвкушая насыщенность смрада, с которой ему предстояло столкнуться, глубоко вдохнул, задержал дыхание и потянул дверную ручку на себя.

– Ни хрена себе, – рука Дэнниса, крепко сжимавшая пистолет, медленно опустилась. – Ты когда-нибудь такое видел?

Генри отрицательно мотнул головой. Патрульным полицейского департамента Нью-Йорка частенько приходится наведываться во всякие злачные места. Ночлежки, притоны, самодельные лаборатории по производству дешевой и низкокачественной дури, все это и еще больше, служи и защищай приятель. Но к такой обстановке быстро привыкаешь, потому, что в каждой норе, на каждом дне есть своя закономерность и предсказуемость. Рано или поздно ты просто перестаешь удивляться тощим трупам в притонах и дорогому химворудованию в подвале заброшенного дома. Но квартира Нормана Морриса была тем неприятным исключением, когда после семилетнего стажа работы в полиции Генри мог с железной уверенностью сказать: «Такого, черт его дерь, странного дерьма я еще не встречал, и видит бог, больше не хочу».

Двое полицейских стояли на пороге небольшой комнатухи и не решались зайти внутрь. Их смущало несколько вещей.

Первой из них было то, что жилым это помещение назвать не поворачивался язык, а учитывая, что это единственная комната в квартире – становилось совершенно непонятно, как бедняга Моррис мог обитать в таких условиях (жизнью это точно не назовешь).

Комнату по задумке архитектора должно было освещать высокое, узкое окно, выходившее на Канал-стрит, но оно, как и стены в коридоре было заклеено толстым слоем старых газет. Плотные, уже грозовые, тучи на улице делали освещение еще хуже. Дэннису даже на миг показалось, что они находятся не на пятом этаже, а в каком-то подвале.

Второй вещью были часы, десятки их. Они были буквально везде. Большие и маленькие, старые и новые, электронные и с маятниками. Стены комнаты настолько плотно покрывала армия разнообразных часов, что за ними невозможно было разглядеть цвет обоев, если они, конечно, были. На полу же в хаотичном порядке были разбросаны будильники и даже несколько наручных «Casio». Скорее всего, хозяин купил их оптом, по дешевке. Все часы

(по крайней мере, те, которые Генри успел рассмотреть), даже электронные, не шли. Время в комнате остановилось за две секунды до полуночи, судя по «РМ» на одном из будильников.

Третьей вещью оказался сам хозяин квартиры, или же то, что от него осталось.

Питер Дэннис не всегда был толстяком. Первые пару лет службы он ходил в тренажерный зал, соблюдал режим питания, и вообще, был подтянутым молодым человеком. Но на одном из рутинных вызовов ему пришлось увидеть то, что изменило его, сделало дыру в душе таких размеров, что ни один здоровый завтрак не мог ее заполнить до конца. Он увидел труп. И не такой, которые ему попадались частенько, свеженький, только из перестрелки. Нет, этот бедняга провалился на дне Гудзона как минимум неделю. Парня раздуло газами, и он всплыл на радость прогуливавшейся по берегу влюбленной парочке. Питу до сих пор иногда снятся сморщенные, молочно-белые ладони и лицо, на котором всю неделю пировали раки и прочая речная живность. Но между этим раздутым утопленником и Норманом Моррисом не было ничего общего кроме сладкого гнилостного запаха.

В дальнем углу странной комнаты в квартире 5-b, в окружении будильников и наручных часов, на старом паркете лежал грязный матрас без простыни. На матрасе, раскинув руки и ноги, покоился голый Норман Моррис. Его голова свисала с края «постели», а глаза были плотно закрыты.

Попав в подобную ситуацию, полицейский в первую очередь должен проверить человека на наличие признаков жизнедеятельности, но сейчас в этом не было никакой необходимости. Хозяин квартиры был определенно мертв.

Мистером Моррисом, плохо пахнувшим соседом, оказался мужчина лет тридцати – тридцати пяти. Его черные, состриженные машинкой, волосы явно были в плохих отношениях с владельцем и, судя по большим залысинам, спешно покидали череп. Распространенная проблема мужчин его возраста, но ему об этом волноваться уже не стоит.

Тело мистера Морриса покрывали многочисленные следы от укусов. Даже не имея медицинского образования, Генри узнал в этих следах отпечатки человеческих зубов. Один раз, в молодости, он подцепил в каком-то клубе сумасбродную девицу, так она во время секса на одну ночь искусала ему всю руку, чтоб ей пусто было. Красные следы человеческих зубов плотно засели в его памяти, после того как он все утро обрабатывал их перекисью водорода.

Но раны, которые оставил человек, кусавший Нормана, были так же похожи на укусы пьяной девицы, как раздутый утопленник на самого мистера Морриса. Несомненно, это были следы человеческих зубов, но повреждения, которые они оставили не шли с ночными приключениями Генри ни в какой сравнение.

Каждый овальный отпечаток челюсти окружали мириады крошечных, словно сыпь, желтых гнойников. Они волнами расходились от ранок во все стороны, образуя узоры, похожие на те, которые можно иногда увидеть в очередной передаче про пришельцев – круги на кукурузных полях. Кожа вокруг некоторых укусов почернела от кровоизлияний, что делало, по всей видимости, не любившего солнечные ванны, мистера Морриса похожим на искаженную большой фантазией карикатуру далматинца. Но более всего Генри поразили следы от ногтей. Похоже, что вся эта прелесть на теле бедняги Нормана дико чесалась, потому что кожа вокруг самых больших очагов инфекции (или что это вообще такое) была расчесана до самого мяса, а ногти мертвеца были измазаны в его собственной крови.

Нервы Дэнниса, до этого момента были натянуты словно канат, но как только он увидел труп мистера Морриса, они с диким грохотом (по крайней мере, так ему показалось) лопнули. Теперь место в его ночных кошмарах точно зарезервировано для этого красавца. Прощай, опостылевший утопленник, возвращайся на дно Гудзона. У меня теперь есть новый мучитель и его зовут Норман.

– Меня сейчас вырвет, – Дэннис зажал рот рукой и, слегка пошатываясь, побежал по коридору. Не задумываясь, он ввалился в уборную и из его утробы вырвался сначала стон,

а затем и струя утреннего чая. Немного придя в себя, Пит открыл глаза и понял, что держится голыми руками за почерневший унитаз. Должно быть, он схватился за него, чтобы окончательно не упасть. В голове толстяка тут же яркой неоновой вывеской загорелась мысль: «Моррис умер от какой-то неизвестной заразы, и я ее только что подхватил». Его скрутило в новом приступе рвоты.

Букер аккуратно перешагнул через разбросанные по полу будильники и склонился над телом. «Что же с тобой произошло?» – подумал он, снимая с хлястика на плече переносную рацию.

– Центральный, это восьмая машина, нам нужна скорая на 218 Канал-стрит, – сказал он в микрофон, затем развернулся и крикнул в коридор. – Пит, ты там как?

– Не знаю, – ответил тот, выползая из ванной, – но поход в пекарню отменяется.

– Ладно, может на улицу выйдешь? Тут и так бардак.

– Да, хорошо, – лицо Дэнниса приняло неестественный зеленоватый оттенок, который в свете фонаря делал его похожим на большое и толстое приведение.

– Старуху я сам опрошу, – снова крикнул Букер, но его никто не услышал, напарник уже выбежал из квартиры.

Генри еще раз осмотрел странное помещение и тяжело вздохнул. И как он собирается писать рапорт? Как такое вообще можно описать? А медикам же тоже отчеты составлять... Ну и работенку ты нам подкинул, Норми. Но сначала нужно снова опросить старуху, потому как на естественную смерть это явно не похоже.

Букер вышел из комнаты, полностью погруженный в свои мысли, но тут же остановился. Его внимание привлек странный звук, которого он не мог расслышать раньше, когда они с Питом только вошли сюда. Звук был настолько тихий, что стучавшее в ушах, купавшееся в адреналине сердце полностью его заглушало. Но теперь, когда его мотор немного успокоился, а толстяк Элвис покинул здание, он слышал. Это был то ли шорох, то ли человеческий шепот, исходивший откуда-то справа.

Генри посветил фонариком на стену коридора. Все те же газеты, наляпаные кое-как, и измазанные в черной аэрозольной краске. Хотя...

Он присмотрелся повнимательней и заметил, что в одной части стены клочок старого номера «New York Times» немного отклеился, а за ним виднелась кирпичная кладка и что-то деревянное.

Прислушиваясь к непонятному, еле различимому шуршанию за стеной, Генри, будто в трансе, подошел поближе, схватился за отвисший край газеты и потянул. Импровизированные обои отделились с невероятной легкостью, скорее всего, клею не удалось как следует сцепиться с поверхностью стены, и открыли свету фонаря, заложенный кирпичами, дверной проем.

– Что за... – Букер ошарашенно смотрел на свою находку. Квартира 5-b с самого начала преподносила ему один сюрприз за другим, и, казалось бы, концерт окончен, софиты обесточены и всем пора по домам, как вдруг это...

Он осторожно наклонился вперед и прижался ухом к прохладным кирпичам. Да, вот он, этот звук. По-прежнему не ясно шепот это или шорох, но одно стало понятно наверняка: квартира 5-b двухкомнатная и источник звука находится там, в замурованной комнате номер два.

– Эй, там есть кто-нибудь? – почему-то шепотом спросил он. В ответ шорох из-за стены прекратился. «О боже, там что, человек? – пронеслось молнией у него в голове. – Нет, отставить панику! Это может быть простая крыса или голубь на подоконнике. Дом старый, комнату заложили при перепланировке квартир, вот и все. Обычная крыса». Но было поздно придумывать простые объяснения. Берлога мистера Морриса всем своим видом давала понять, что простыми объяснениями здесь не отделаешься. Генри нужно было убедиться, что это не чело-

век, узнать наверняка. Но как? Все хорошие идеи как по волшебству куда-то испарились, осталась только одна.

Он, дрожащей от волнения рукой, поднес свой металлический служебный фонарик к кирпичной кладке и осторожно постучал.

– Помогите, – послышался приглушенный женский голос из-за стены, и Букер от неожиданности отскочил назад, но тут же пришел в себя. «Парень, ты профессионал, черт его дерит, или кто? Возьми себя в руки и действуй по инструкции».

– Мэм, вы в порядке? – спросил он, и, не дожидаясь ответа, протараторил в рацию на плече. – Спасателей на 218 Канал-стрит, срочно.

– Норман, это ты? – спросил голос из-за стены.

– Нет, мэм, я офицер Букер из полицейского департамента Нью-Йорка. Не волнуйтесь, спасатели уже в пути, мы вас вытащим, постарайтесь оставаться на месте.

«На каком еще месте, идиот? Если бы ей было куда идти, она бы не звала на помощь».

– Норман, сынок, – продолжил голос, не обратив никакого внимания на тираду Генри, – выпусти меня, пожалуйста. Я буду хорошо себя вести, обещаю.

«Она его мать? Господи Иисусе! Больной ублюдок замуровал свою мать».

– Миссис Моррис, Норман... – Букер осекся, новость о смерти сына – это последнее, что ей сейчас было нужно. Лучше сохранить ее на потом, – вашего сына здесь нет. Постарайтесь не нервничать, сейчас главное – сохранять спокойствие. Слышите меня?

Но женщина за стеной, казалось, совершенно не слышала Генри или не хотела слышать. И он мог ее понять. Ведь быть замурованной заживо, а уж тем более собственным сыном...

– Норман! – в голосе послышались нотки раздражения. – Ты, дрянной мальчишка, выпусти меня немедленно! Ну, подумаешь, укусила разок, ничего страшного, до свадьбы заживет.

Брови Генри от удивления поползли вверх. Истинно, квартира 5-b была полна сюрпризов и загадок, одну из которых он, кажется, только что решил. Выходит, те ужасные следы от зубов, которые покрывали большую часть Нормана Морриса, оставила на нем его мамаша, и скорее всего, именно поэтому она сейчас находится по ту сторону кирпичной кладки. Беря во внимание возраст самого Нормана, его матери сейчас должно быть не меньше пятидесяти – пятидесяти пяти. В таком возрасте у некоторых людей уже может проявляться старческое слабоумие. Оставалось понять, почему он пошел на такие кардинальные меры вместо того, чтобы обратиться за помощью к компетентным органам, в чьи прямые обязанности входил уход за буйными стариками. Ответ на этот вопрос пришел незамедлительно.

Раздраженное бормотание за стеной на секунду стихло, а затем раздался низкий гортанный рев такой силы, что Генри рефлекторно вжался всем телом в стену коридора. Это было похоже на то, как истребитель пересекает звуковой барьер, только в десять крат сильнее и гораздо дольше. Громкость была такой, что ему показалось, будто никакой стены между ним и тем, что издает этот рев, нет, и никогда не существовало.

– Мразь! – это уже совсем не походило на женский голос, вовсе нет. Чего уж там, это даже на человеческий голос не походило. – Жалкий ублюдок, запер нас здесь, в этом никчемном коробе из камня и думает, что победил! Нет, Норман, ты только растягиваешь свои муки. Мерзкий червь! Покажись, дай посмотреть на твои раны. Мои узоры уже распустились на них? Да, конечно, распустились, я чую их запах, запах твоего конца, Норман.

Генри расслышал как что-то массивное, ходит кругами по ту сторону стены.

– Думаешь ты такой умный, Норман? Думаешь перехитрил меня? Да, гордыня в твоей ничтожной душонке пахнет сильнее всего, но теперь молоко тебе не поможет. Теперь тебе ничего не поможет. Мои узоры ослабят тебя, сомнут и съедят изнутри, и когда я выйду отсюда, ты пожалеешь о том, что запер меня. Ты обо всем пожалеешь, Норман!

Неожиданно топот и шарканье за стеной прекратились, и наступила такая пронзительная тишина, что Букер снова услышал учащенный стук собственного сердца. «Может быть, все

закончилось?» – с маленькой искоркой надежды подумал он, но сам прекрасно понимал, что с той самой секунды, как он ступил за порог квартиры 5-b, все полетело по наклонной, и теперь будет только хуже, и хуже.

Успокаивающая и дарящая надежду на хороший исход дела, тишина продлилась не долго. Секунд пять, не больше. За это время Генри Букер успел пожалеть обо всем на свете, как и говорил ему голос за стеной. Он жалел о том, что аккуратно не отшил эту старуху Ким. Надо было посоветовать ей обратиться к врачу, ведь навязчивые запахи могут быть одним из симптомов шизофрении. Жалел о том, что не попробовал чай Дэнниса, ведь если так подумать, он вообще никогда не пробовал чай. Но больше всего он жалел о том, что не взял отгул на сегодня. Не выспался, погода ни к черту, отвратительный денек...

Существо за стеной как следует разогналось и попыталось протаранить заложенный кирпичом дверной проем. Что бы там ни было, что бы этот чертов Моррис ни замуровал в своей квартире, оно очень хотело выбраться наружу.

Удар был мощным, Генри почувствовал его всем своим нутром. Здание содрогнулось, а вместе с ним и каждая клеточка, его оцепеневшего тела. Но каменная кладка каким-то непостижимым образом выдержала.

Второй удар последовал незамедлительно и был еще сильнее первого. На этот раз преграда слегка поддалась, некоторые кирпичи немного сдвинулись со своих мест, а у парочки даже образовались трещины.

Генри знал, что самый безопасный способ дожить до пенсии, работая в полицейском департаменте Нью-Йорка, это беспрекословно следовать инструкциям. И он следовал им. Но к такому дерьму ни в одном учебнике инструкцию не найти. «А если инструкций к вашей ситуации нет, то действуйте на свое усмотрение, опираясь на законы штата Нью-Йорк». Но какие законы могут быть применены к тому, что сейчас своей тушей уверенно пробивало дыру в стене?

«Служи и защищай, парень, – внезапно промелькнуло в голове Генри. – Служи и защищай, ведь именно ради этого ты пошел в полицию. И только эта инструкция тебе нужна. Так не вздумай поджечь хвост и смыться! Служи и защищай до победного!»

Он стиснул зубы и уверенно выставил пистолет перед собой. Первым, что эта тварь увидит, пробив стену, будет служебный «Глок» Генри Букера.

От третьего удара каменная кладка изрядно прогнулась, и Генри начал молиться. К его собственному стыду, целиком он не мог вспомнить ни одной молитвы, поэтому бубнил их вперемешку и невпопад. Но это было не важно, а важно было то, что после третьего удара все часы в той комнате, где лежал бездыханный Норман Моррис, снова пошли и спустя две секунды, которые Генри показали больше чем вечностью, циферблаты синхронно показали 12:00. Квартиру 5-b затопили переливистые пиликанья нескольких десятков ручных «Casio», раздражающий стрекот будильников, и манерный бой настенных часов с маятником.

Какофония перезвонов заполняла собой все пространство, вытесняя реальность на задний план, но Генри ее не слышал, его вниманием полностью завладела, покосившаяся от неистового натиска зверя, каменная кладка. Он молился в ожидании последнего удара и совсем не заметил, как лежавший всего в паре метров от него Норман открыл глаза, затем встал и, как ни в чем не бывало, вышел в коридор. Голый, с ног до головы покрытый укусами язвами и гнойниками, он подошел к Генри и положил руку на пистолет.

– Спасибо, – сказал он без единой ноты волнения в голосе, – дальше я сам.

Затем Норман с неожиданной для человека такой комплекции, силой толкнул Генри в плечо, тот пролетел по коридору пару шагов, споткнулся о собственную ногу и упал. Все произошло слишком быстро, Букер не успел сгруппироваться, сильно ударился затылком о паркет и потерял сознание.

Последним, что он увидел перед тем как наступила тьма, был Норман Моррис. Тусклый свет фонарика, выпавшего из руки Генри, освещал щуплого человечка с глубокими залысинами, который спокойно стоял в полумраке грязного коридора, смотрел на замурованные двери, и ждал, когда зверь вырвется наружу.

Питер Дэннис, позеленевший и запыхавшийся, стоял с закрытыми глазами, опершись рукой на капот полицейского «Форда». Его губы были плотно сжаты, а лицо покрыто крупными каплями пота. И хотя со стороны этого не было заметно, внутри него происходила настоящая битва. Его слабый и безвольный разум отчаянно пытался переварить увиденное в квартире 5-b, побороть этот зарождающийся ночной кошмар пока еще не стало поздно, но кусок оказался слишком большим и застрял в глотке.

Сквозь бордовую пелену закрытых век он видел лежавшего на матрасе мистера Морриса. Его изуродованное болезнью тело во всех мельчайших подробностях проступало сквозь узор капилляров и это пугало Питера до смерти. «А что, если эта зараза передается через воздух? Что, если мы с Генри были обречены в ту самую минуту, как выбили эту сраную дверь?» Мысли судорожно метались в затуманенной страхом голове Пита, но к его счастью это продлилось не долго.

Утробный рык невероятной громкости прервал панические мысли Дэнниса, и зловещим эхом прокатился по соседним домам. Казалось, само здание за его спиной вибрирует в такт этому рыку.

У Питера в младших классах школы был знакомый паренек, и звали его, кажется, Феликсом. Так вот, у этого паренька был очень странный и малополезный в повседневной жизни талант. Он мог в любой момент, по собственному желанию, набрать в желудок воздуха, а затем отрыгнуть его обратно. Получалось это у Феликса невероятно громко и звонко, что, несомненно, радовало его друзей до определенного возраста, и Питер Дэннис входил в их число. Но даже соберись в одном месте с сотню таких вот талантливых Феликсов, и отрыгни они все одновременно и в унисон, они бы все равно даже близко не дотянули до рыка, вырвавшегося из 218 дома по Канал-стрит.

Дэннис от неожиданности вздрогнул и слегка присел. Первой мыслью, пронесшейся в его взмыленной голове, было: «Старая газовая плита взорвалась». Он открыл глаза и обернулся, ожидая увидеть горящее здание, но никакого огня не было. Тогда первую мысль сменила вторая: «Генри нужна помощь». Он не знал откуда это ему известно, но почему-то был в этом уверен на все сто.

Питер с ужасом вспомнил эти бесконечные, уходящие куда-то ввысь лестничные перила, но тут же отшел деморализующий образ в сторону. «Если Генри пострадает или, не приведи Господь, умрет из-за моей неспособности поднять свою жирную задницу на пятый этаж, то будь я проклят, если сам себе не вырежу этот чертов живот». Дэннис смахнул капельки пота со своего, сморщившегося от напряжения лба, и ринулся на помощь напарнику.

Он бежал по бетонным ступенькам, перепрыгивая за раз через две, и высоко поднимая колени. Его живот колыхался под бронежилетом как буйное штормовое море, но Пит не обращал на это внимания. Он убедил себя, что с Генри непременно случится что-то ужасное, если он не добежит до пятого этажа, и не поможет ему. Эта уверенность придавала ему сил и позволяла не сбавлять темп.

Приближаясь к последним ступенькам, Питер Дэннис уже с трудом их различал. Пот, из отдельных крупных капель на лбу, превратился в стремительный горный поток, застилал глаза, а сердце, которое служило ему верой и правдой все те годы, что он провел в наедании безразмерного пуза, норовило, пробив бронежилет, выпрыгнуть из груди и свалить куда подальше от неблагодарного хозяина.

Ступив на лестничную клетку пятого этажа, Пит сделал последний, финишный рывок и в два больших шага преодолел расстояние, отделявшее его от квартиры 5-b, но заходить внутрь не спешил. Он застыл на пороге, держась за ручку выбитой двери, и не мог поверить собственным глазам. Генри, раскинув руки, лежит на полу в каких-то двух метрах от входной двери, а рядом с ним в тусклом свете фонарика стоит мертвец.

Дэннис не понимал, что происходит, но одно он знал наверняка: «Генри просто так в обморок не падает». Букер был здоровым парнем в самом, как говорится, рассвете сил и вот так лежать посреди коридора уж точно не стал бы. Что бы с ним не случилось, в этом явно замешан восставший из мертвых мистер Моррис.

Пит замер, он не хотел отвлекать мертвеца от созерцания покосившейся стены. Медленно и аккуратно он потянулся к кобуре и попытался достать пистолет. Пальцы стали скользкими от пота, да еще и дрожали в придачу, что сильно осложняло процесс, но со второй попытки ему удалось подцепить ногтем кнопку на застежке, и она неожиданно громко щелкнула. От этого звука гремевшее в груди Дэнниса сердце, казалось, рухнуло куда-то вниз живота.

«Ну, все, – мелькнуло в его голове, – теперь этот зомби меня сожрет.»

Но у мистера «зомби» Морриса на это утро были немного иные планы. Он прекрасно знал, что на пороге его квартиры стоит второй полицейский, что он только что щелкнул кобурой, пытаясь достать свое оружие, и что в сложившейся ситуации лишний вес новоприбывшего сыграет с ним злую шутку, но сейчас об этом думать было нельзя. Замурованная дверь – это единственное, что в данный момент стоит его внимания, ведь еще одного удара она не выдержит.

Норман был прав, кирпичная кладка хоть и была скреплена особыми знаками на стенах, все же дала трещину, а значит, времени совсем не осталось и единственное, что он мог сделать для толстяка – пожелать ему удачи. Если повезет, тот успеет утащить своего напарника и себя из этой передряги, а если нет – ничего страшного, допустимые потери.

– Не двигаться! – выкрикнул Дэннис, выхватывая пистолет, как заправский ковбой из «спагетти вестерна».

Этот выкрик послужил сигналом к действию для твари, что скрывалась в замурованной комнате. Четвертый и последний удар сломил барьер, сдерживавший зверя. Кирпичи красным фонтаном разлетелись во все стороны. Один, срикошетив от стены коридора, угодил лежавшему без сознания Букеру в руку, чем привел его в чувства. Второй пролетел всего в паре дюймов от головы Дэнниса и тот, пытаясь инстинктивно прикрыть лицо руками, вывалился из квартиры.

Падая на задницу, Пит успел краем глаза заметить какой-то бледный силуэт, отдаленно напоминавший человеческий. Окруженный облаком кирпичей, он вылетел из образовавшейся в стене дыры и врезался в стоявшего на пути Нормана. Словно дерущиеся дворовые коты, они слились в один неказистый клубок, снесли гипсокартонную перегородку, отделявший кухню от коридора и скрылись из виду.

Генри почувствовал резкую боль в предплечье и вскрикнул. Открыв глаза в поисках того, что его ударило, он тут-же вспомнил, где находится, и что за чертовщина с ним творилась последние пол часа.

– Букер, ты как? – это был голос Дэнниса, доносившийся откуда-то сзади.

– Сойдет, – ответил он и приподнялся на локтях.

– Тогда может скажешь, что за херня здесь происходит?

На этот вопрос у Генри не было ответа. Первым делом ему нужно было раскопать из этих кирпичных завалов свой табельный «Глок», а уже потом разбираться в ситуации. По одной проблеме за раз, приятель.

Питер на четвереньках подполз к напарнику.

– Мы должны сваливать отсюда, да поскорее, – прошептал он и потянул Букера за рукав. – Этот мужик, кажется, ожил, а потом его сожрала... сожрало... – в словарном запасе Пита не находилось нужных слов, чтобы описать увиденное. – Короче, нужно валить и вызывать подкрепление или спецназ, а еще лучше армию.

Генри наконец отыскал свой пистолет и тут до него дошло, о чем тараторил Дэннис. Тварь, которая притворялась матерью Нормана Морриса (или может быть ею была), вырвалась из своей тюрьмы и с этим нужно было срочно что-то делать, ведь если она так запросто может таранить стены, то конфликт с легкостью выплеснется за рамки квартиры, а так и до жертв среди гражданских недалеко.

– Вставай давай, или я тебя насильно вытащу, – прервал ход его мыслей Дэннис, и снова потянул за рукав.

Это пустые слова, Пит даже при всем желании не смог бы этого сделать, но на его потуги и усердное кряхтение Генри бы с удовольствием посмотрел.

Вдруг, из кухни послышались странные ритмичные щелчки и приглушенные звуки борьбы. Если бы в этот момент кто-то спросил Букера, на что это было похоже, он ответил бы, не задумываясь: «Два вялых пьяницы дерутся, а третий подыгрывает им на кастаньетах». Довольно странное сравнение, но в свете последних событий оно не могло претендовать даже на третье место в рейтинге странностей.

Букер выдернул свой рукав из побелевших то ли от напряжения, то ли от страха, пальцев Пита, встал на ноги и, крепко сжав «Глок», заглянул в отверстие, пробитое в гипсокартоне Норманом и его «мамой».

И без того грязная кухня квартиры 5-b теперь напоминала настоящее поле боя. Стол, раньше стоявший у пробитой стены, лежал грудой обломков на обильно усыпанном гипсовой крошкой полу, а сверху, на этой грудке, на четвереньках стоял Норман Моррис. Расчесанные до мяса раны на его теле снова кровоточили, а синяки вокруг укусов расплылись еще больше, значит, сердце в груди покойника возобновило свою работу. Но были и положительные изменения, узоры из грязно-жёлтых гнойников, до этого плотно покрывавшие кожу, стали гораздо меньше.

– Господа полицейские, – холодным голосом сказал Норман не поднимая головы, – на вашем месте я бы воспользовался этим временным затишьем и спешно покинул помещение.

У Дэнниса по спине пробежал неприятный холодок и его можно понять. Не каждый день встречаешь зомби, а уж таких вежливых и покладисто.

– Пошли, – шепнул он напарнику, но тот не обратил внимания.

Правильный полицейский в такой ситуации должен сохранять ясность ума, держать свои чувства и ситуацию под контролем. Генри оказался не правильным полицейским. Его накрыло новой волной самоотверженности, если можно так выразиться.

Стоя возле замурованной двери, и слушая, как зверь пытается вырваться наружу, он пообещал себе: «Первым, что эта тварь увидит, пробив стену, будет служебный „Глок“ Генри Букера» и не сдержал этого обещания. Он был готов отдать свою жизнь, пойти на подвиг ради своих убеждений и принципов, но у него забрали эту возможность, причем бесцеремонно и в самый последний момент. Теперь он чувствовал себя религиозным фанатиком, чей пояс смертника дал осечку прямо посреди торгового центра, и это чувство свербело внутри, словно укус комара, заставляя делать роковые ошибки.

– Норман, мы просто хотим... – Генри пытался сказать «помочь», но не успел. Его прервали щелчки кастаньет, донесшиеся из-под остатков столешницы. Он бы мог пофантазировать, что за существо способно издавать такие звуки, но надобность в этом отпала, когда куски прессованной стружки, отбросив Нормана в сторону, взметнулись к потолку.

Свет от фонарика, лежавшего в коридоре, едва освещал внутренности кухни, но Букеру этой яркости хватило с головой, чтобы во всех подробностях разглядеть чудовище. Да, именно чудовище, по-другому и не скажешь.

Мамаша Нормана, или, по крайней мере, то, что от нее осталось, больше не относилась к виду *Homo Sapiens*. Теперь она являлась представителем совсем иной породы, и Генри всем сердцем надеялся, что единственным ее представителем. Нет, конечно, человеческие очертания в ней все еще просматривались, но они были исковерканы, искажены практически до неузнаваемости.

Руки и ноги этого существа были покрыты множеством волдырей и шишек, но при этом мышц на них почти не осталось. Колени и локти изгибались под разными углами, не свойственными человеку. Эти кости, покрытые бугристой, грубой кожей напоминали лапки гигантского насекомого, которое бесцеремонно натянуло на себя бедную женщину как какой-то свитер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.